

Рияд Рязанов
Дурак
на красивом
холме

Рияд Рязанов

Дурак на красивом холме

«Издательские решения»

Рязанов Р. А.

Дурак на красивом холме / Р. А. Рязанов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-936250-6

Приключенческая долгоиграющая повесть, события в которой развиваются «от тайги до Британских морей», несущая гуманистические идеалы. Несмотря на эпатирующие названия глав, вполне читабельна для самого широкого круга людей разных возрастов, идеологических убеждений и вероисповеданий, поскольку выдержана в лучших традициях русской и мировой литературы. Автор надеется, что его книга будет способствовать установлению взаимопонимания между землянами в этот непростой период их жизни.

ISBN 978-5-44-936250-6

© Рязанов Р. А.
© Издательские решения

Содержание

Вместо увертюры	6
Глава 1. Особенности sex-revolution в поселке Буха	8
Глава 2. В бегах	18
Глава 3. Переформат	30
Глава 4. У озера	40
Глава 5. Андрей первозванный	49
Глава 6. Первая вылазка	59
Глава 7. Вылазка 2	68
Глава 8. Вылазка в город	73
Конец ознакомительного фрагмента.	80

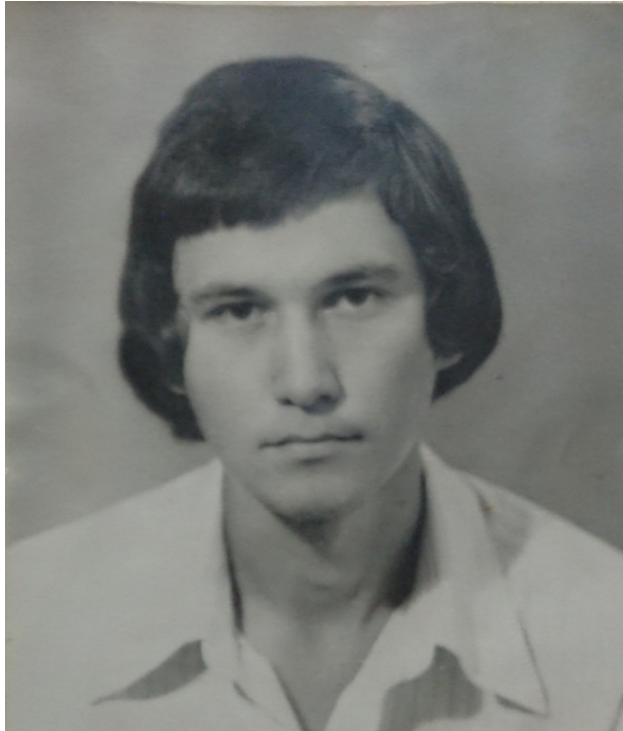
Дурак на красивом холме

Рияд Алимович Рязанов

© Рияд Алимович Рязанов, 2018

ISBN 978-5-4493-6250-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рияд Рязанов

Day after day alone on the hill,
The man with a foolish grin is keeping perfectly still;
But nobody wants to know him,
They can see that he's just a fool,
And he never gives an answer.
But the fool on the hill
Sees the sun going down, and the eyes in his head
See the world spinning 'round...
(John Lennon – Paul McCartney)

Вместо увертюры

У меня есть две молодые красивые лошадки – Арсиноя и Береника.

Первая – золотистая Арсиноя – игреневого масти блондинка с белыми гольфами на ногах и белой звездой на лбу, капризная и своенравная, была спасена мною от неминуемой участи быть зарезанной на мясо в возрасте трех лет. Ее хозяин, алтайский крестьянин-коневода, владел табуном в тридцать голов, регулярно поставляя подросших до нужных кондиций питомцев некоей организации, специализирующейся на производстве колбас.

Арсиноя, тогда еще безымянная, в силу избыточной тяги к независимости, часто отлучалась от своего лошадиного социума, чем вызывала обоснованную тревогу и раздражение хозяина, мужчины крутого и решительного. По его словам, «потерять ее вовсе от волков, либо, что вернее, от лихих людей», не входило в его планы. Поэтому он с легким сердцем, за довольно скромную сумму, отдал ее мне, снабдив также длинной пеньковой веревкой и железным кольшком, с помощью которых мне удалось с невероятными трудностями и массой приключений в течение целого полумесяца, доставить неожиданную покупку в сопредельную с алтайским краем область, где находилась моя так называемая сельская усадьба – одиноко стоящий на красивом холме дом с огражденным высоким забором двором, включавшим в себя огород, небольшой сад, пасеку в шесть ульев, а также необходимые помимо жилища строения – баню, гараж, место для скота и птицы и т. д. и т. п.

Другая красавица – Береника – брюнетка караковой масти, черно-матовая с ржавыми подпалинами на морде, брюхе и ногах, была, напротив, ожидаемой покупкой, поскольку ее я заметил и полюбил еще в нежном возрасте, когда она была долгоногим жеребенком шоколадного цвета, неотступно следовавшим за своей матерью – крупной гнедой кобылой по имени Искра.

Сама же Береника в ту пору именовалась Соней. Так обозначил ее за невозмутимый и задумчивый характер хозяин, ветеринар ближней от меня деревни с загадочным названием Зазеркалье, деревянные избышки которой с полуразвалившимися вкраплениями кирпичных и шлакоблочных домов, размашисто рассредоточились на пологом и топком противоположном от меня берегу глубокого и довольно широкого, вытянувшегося на три километра в длину озера Зеркального с втекающей и вытекающей из него речкой Светлой. Благодаря последней вода в озере всегда была изумительно чистой и прохладной, а поверхность в тихую погоду действительно напоминало огромное зеркало.

Каждый раз, отправляясь в сельский магазин за покупками, я набивал полные карманы мелкими, собственноручно изготовленными сухариками или просто рассыпным очищенным овсом. Подобно пушечному ядру, на котором барон Мюнхгаузен летал на луну, мой велосипед с космической скоростью вносился с высокой горы через дамбу на прекрасный зеленый луг с дымящимися в атмосфере утренней свежести теплыми коровьими лепешками. Здесь, неподалеку от пасущегося крупнорогатого стада, я непременно заставал милую мне пару непарнокопытных.

Застывшие как изваяния, мать и дитя вначале насторожено, с поднятыми ушами и напряженными шеями вглядывались в меня. По мере узнавания напряжение спадало, уши опускались, шеи расслаблялись, и неторопливо, с чувством собственного достоинства, как бы сознавая степень собственной красоты, грациозные животные приближались ко мне. Обеими руками одновременно я доставал из карманов лакомство.

Мягкими, опушенными короткими волосками губами, они очень аккуратно выбирали с моих ладоней сухарики. Это было похоже на церемонию восточного чаепития, когда угощающие и угощаемые выказывают друг другу должное уважение.

Когда я обратился к хозяину с просьбой продать мне жеребенка, он по-стариковски пожевал губами, пристально изучая меня молодыми глазами, и неожиданно заявил, что на базаре за мясо больше выручит. Такой ответ из уст доброго человека меня поразил. Позже я понял, что это была просто форма вежливого отказа бывалого ответственного крестьянина пришлому горожанину, в коневодческие способности которого он не верил. Тем более что первое время обо мне циркулировало мнение как о странном и весьма легкомысленном человеке. Однако со временем ветеринар разобрался кто есть кто, зная цену деревенским сплетням, и сам предложил вернуться к лошадиному вопросу.

Случилось это после того, как я помог ему снять пчелиный рой, далеко и высоко слетевший с его пасеки. В очередной раз отправившись в сельский магазин за восполнением провизии, на половине пути из пункта А в пункт Б, под кроной матерой дикой яблони, росшей в некотором отдалении от деревни, я увидел мечущегося в растерянности старика. Бежать в деревню за помощью он опасался из-за боязни потерять рой, уже готовый лететь дальше, а лезть по голому стволу не позволял возраст.

Не долго думая, я прислонил велосипед к стволу, и используя его в качестве лестницы, с проворством дикой обезьяны пробрался на параллельный земле большой сук, где в тени кроны шевелилась огромная гроздь медоносных насекомых. На шее у меня висела объемная сумка для продуктов, в которую я ловко и уверенно стряхнул тяжелый ком пчел, тут же застегнув ловушку на замок-бегунок.

Ветеринар по достоинству оценил мой подвиг и в порыве благодарности предложил возобновить переговоры о судьбе жеребенка, который к тому времени подрос и обрел взрослую окраску. Задав для порядка несколько тестовых вопросов, он убедился в моей теоретической продвинутости, добавив что самое главное – это доброе и ровное отношение к чувствительному животному, а опыт придет со временем. На этом и сошлись. Не прошло и недели, как новоназванная Береника переселилась ко мне на красивый холм.

Здесь ее уже ожидала золотистая Арсиноя, приведенная месяцем раньше с урочищ Горного Алтая. На правах хозяйки, как и положено в животном мире, встретила она новоприбывшую очень строго, пыталась укусить и лягнуть. Но на агрессивную Арсиною Береника не обращала никакого внимания, а только глядела на меня жалостливыми глазами и тоненько ржала. В ответ ей эхом с другого берега доносилось взволнованное ржание Искры. Пытаясь утешить, я поднес Беренике ее любимые сухарики, но она на них даже не взглянула. Тогда движимый состраданием я обнял ее за шею – трепетную и упругую. В тот же момент мне показалось будто из-за ограды загона на меня смотрит холодными синими глазами каменная Вероника...

Глава 1. Особенности sex-revolution в поселке Буха

Я знал ее уже более года, но она, как и прежде, оставалась для меня загадкой. Сведения, полученные от разных людей могли бы составить пухлую папку в руках добросовестного следователя, но они были настолько противоречивыми, что я давно махнул на них рукой, предпочитая доверять только собственному впечатлению. Такая позиция вполне соответствовала моему мироощущению анахорета, поселившегося в некотором удалении от мирской суеты в поисках душевного равновесия. Зачем копать в прошлой жизни человека, если сам он этого не желает? Пусть будет тем, кем хочет быть!

Такая установка позволяла мне воображать, что Вероника всецело принадлежит только мне, а всё, что было с ней раньше, меня не касается и, вообще, неправда.

Была она коренной москвичкой, попавшей в наши края отбывать срок, где на поселении познакомилась с неким Григорием, мажором местного разлива, сопровождавшим отца во время благотворительного визита в женскую колонию. Несколько потерянная внутренне, но прекрасная наружно, она не выдержала натиска богатого наследника известного предпринимателя, а в прошлом вора-рецидивиста по кличке Ястреб.

И получилось так, что только освободившись, она вновь была умыкнута хватким Григорием в их родовое гнездо, в соседний от нас поселок с говорящим названием Бухалово.

Мне приходилось иногда навещать туда в сельсовет, в ведении которого было несколько ближних деревень и мой одинокий хутор. А еще в Бухалове, несмотря на трудные 90-е годы, работали лесопилка и кирпичный завод, что для меня, одержимого безумной идеей строительства собственного ранчо, было крайне важно.

Подробностей я особенных не знаю, могу только догадываться со слов старика Пафнутия, о котором будет рассказано позже, но Вероника не сумела вписаться в новую семью, вдрызг разругавшись с родными и близкими Григория. Самому жениху, как утверждают всезнающие деревенские бабы, Вероника поставила под глаз красивый фонарь, потому что с тех пор он полюбил носить черные очки и выглядел в них очень эффектно.

Несостоявшаяся невеста вынуждена была уйти жить в полузаброшенное поселковое общежитие, которое одновременно выполняло и функции гостиницы для разного рода командированных и просто частных лиц, вроде меня. Когда-то оно не было таким унылым, по коридору слонялись жизнерадостные шофера, приехавшие на уборочную, гортанно перекликались армяне-шабашники, строившие для процветавшего совхоза новые фермы, сновали на общую кухню с кастрюлями молодые специалисты и специалистки. Одним словом, витал здоровый дух здоровых людей.

Но времена изменились. Когда я появился в гостинице-общежитии, постоянным обитателем злополучного жилища отрекомендовал себя только одинокий пожилой инвалид с приволакивающейся ногой и интересным именем Пафнутий, показавшимся мне до боли знакомым. Меня определили жить в смежную с ним маленькую двухместную комнату, и когда комендантша открывала мне дверь, сопровождая необходимыми разъяснениями, он тут же выплянул наружу, интересуясь, что за гусь будет его соседом.

Мы поговорили с ним немного о том, о сём, но о наличии третьей жилички он даже не упомянул.

Красавчик и бонвиван, испорченный вседозволенностью и обожанием многочисленных прежних пассий, Григорий не смог смириться со случившимся инцидентом, разрушавшим до основания все его миропонимание, и дал разрешительную отмашку на половой беспредел местным мужикам, жаждущим бесхозного девичьего тела. Те не преминули этим воспользоваться: после отмены социализма в стране с сопутствующим ему принципом, что в СССР секса нет, население массово переключилось жить по законам Фрейда.

Первыми подняли знамя сексуальной революции тщедушные и вечно пьяные маргиналы. Каждый раз нагружаясь самогоном внутрь и наружу, и что интересно, науськиваемые поселковыми бабами, они организованно шли штурмовать гордую и неприступную Веронику. Но их атаки Вероника отбивала достаточно легко и убедительно, так что в них просыпалось человеческое. После полученных оплеух от сильной руки девушки, они показывали способность к покаянию, размазывая по лицу кровавые сопля вперемешку с пьяными слезами.

Вторая волна оказалась для Вероники посложнее. Она состояла в основном из вроде бы нормальных по-трезвому мужиков, несколько подуставших от своих сварливых жен и безыдейных серых будней. Смущенные новыми понятиями нового времени, подогретые алкоголем и общими разговорами на известную тему, они также ринулись штурмовать желанную твердыню, в пьяном угаре уверенные, что имеют полное право реализовывать свои естественные желания и эротические фантазии.

Эту волну я и застал, вынужденный на три дня остановиться в гостинице поселка Бухалово. На лесопилке по разным причинам не хватало рабочих рук, и мне как остро нуждающемуся в досках и брусках новопоселенцу, пришлось самому принять участие в распиловке древесины. Меня это устраивало. Я имел возможность отбирать и откладывать для себя самый качественный материал.

Когда я подходил к двухэтажному кирпичному зданию, оно показалось мне вполне приличным – стандартная постройка советского образца без излишеств. Но внутренность меня ошеломила: темно-зеленые засаленные стены с обвалившейся штукатуркой были обшарпаны и сплошь исписаны неприличными словами. Впечатление упадка усиливалось видимым отсутствием жизни. О присутствии Вероники Пафнутий меня не предупредил, видимо из обоснованного опасения, что и я из породы сексуальных террористов. Об их существовании я тогда не догадывался – два вечера прошли спокойно. Но это было затишье перед последней громовой бурей.

По вечерам, после напряженного трудового дня, я готовил себе на общей кухне немудреный горячий ужин. Комендантша, она же и уборщица, снабдила меня необходимыми продуктами – картофелем, квашенной капустой, свиным салом и коровьим молоком. Чугунную сковородку и большой кухонный нож я купил в поселковом магазине. Здесь же, приятно удивленный, я обнаружил прямо на прилавке хорошие книги – «Убийство Моцарта» Дэвида Вэйса и «Дневник белогвардейца» – сборник разных авторов, в числе которых был и Савинков-Ропшин.

Повесть последнего я и читал на кухне, помешивая картошку, чтобы не пригорела, когда туда вошла рослая и статная девушка с ниспадающими черными волосами и необыкновенно синими глазами. Скользнув по мне равнодушным взглядом, не считая нужным поздороваться, она плюхнула на соседнюю конфорку кастрюлю с водой, выдвинула мощной ногой из под стола мешок с картошкой, набрала сколько надо и отошла к мойке. На мои бодрые попытки разговорить ее она никак не реагировала. Только один раз посмотрела на меня с прищуром и все. Впрочем, девушка была не в моем вкусе – слишком уж атлетичная. С такой хорошо ходить в походы, особенно в горы – если что вытащит из пропасти, но представить ее сидящей у себя на коленях было трудно.

Изжарив до хруста картошку и демонстративно попрощавшись с невоспитанной девушкой, я отправился к себе в номер, не особенно огорчаясь, что не удалось произвести на нее впечатление. Сосредоточившись на вкусной еде и интересной в информативном смысле книге, я вскоре о ней забыл. Наевшись картошки вприкуску с добротной квашенной капустой и напившись чаю с натуральным молоком, я блаженно вытянулся на кровати, покрытой серым армейским одеялом. Повесть воинствующего террориста несколько утомила меня своими жесткими рубленными фразами. Я закрыл глаза раскрытой книгой от унылого света тусклой лампочки и задремал, приятно усталый и сытый.

Сладкая дрема была недолгой. Громкий торопливый стук в соседнюю дверь разбудил меня. Одновременно раздался топот многих ног на ведущей к нам лестнице. Должно быть, также решительно и вдохновенно в свое время поднимались и шли по Зимнему дворцу революционные матросы.

Я приоткрыл дверь с естественным желанием увидеть что происходит и встретился с синим всполохом испуганных глаз девушки с кухни. Ничего не говоря, она проскользнула мимо меня в комнату, приятно проехавшись по ребрам небольшими крепкими грудями. Соприкосновение с ней было подобно контакту с электрическим током, от которого в моей голове мгновенно вспыхнула яркая лампочка!

Наконец наступило озарение! За три дня пребывания в поселке Бухалово, в разных местах, где скапливалось какое-то количество женщин, до моих ушей невольно доходило энергичное обсуждение некой злодейки, которая смущает мужчин и игнорирует женщин, пытающихся провести с ней душеспасительную беседу.

Почему-то я был уверен, что с такой горячностью они могут обсуждать только проделки какого-то отрицательного персонажа из нескончаемого сериала, изготовленного в западном полушарии. То, что персонаж имеет место быть в восточном полушарии и существует в реальности в двух шагах от меня, я понял только сейчас.

Следом вспомнился утренний разговор Пафнутия и коменданта-уборщицы, когда она мыла пол в нашей секции. Я проспал, засидевшись с книгой в ночи, и, возможно, спал бы и дальше, если бы не громкий возбужденный разговор и бесцеремонный стук швабры о мой порог. По-всему, разговаривающие были уверены, что я ушел.

Пафнутий настойчиво бубнил, что некой Веронике некие люди раскурочили замок, и надо срочно либо вставить новый, либо переселить ее в другой номер. Комендантша, добрая и отзывчивая на мои просьбы, на этот раз повела себя противоположным образом. Не видя, но слыша, я представил ее в образе неуступчивой волчицы Ракши из советского мультфильма про Маугли – оцетинившейся и оскалившей. Она раздраженно кричала, что новых замков нет и не будет, и вообще, пусть эта шлюндра убирается из гостиницы и не создает проблем.

Времени вникать в гостиничные проблемы у меня не было. Я опаздывал и торопился на лесопилку – в последний день следовало поработать особенно ударно. Комендантша, увидев меня выходящим из номера, смутилась, убрала с раскрасневшегося лица выбившуюся из под платка прядь волос, кивнула в ответ на мое приветствие, и уже обращаясь к Пафнутию, негромко буркнула:

– Коли такой добрый и жалостливый, забирай ее к себе!

– Ага, чтобы меня убили?..

Дальше я не слышал, быстро заперев дверь и выскочив из секции. Надо было завершать свои дела – помимо окончательной утонченной распиловки, стояла проблема транспортировки изготовленных брусков и досок ко мне на ранчо.

Все это промелькнуло у меня в голове в течении нескольких секунд. Между тем, стали слышны голоса приближающихся революционеров.

– Дверь не заперта – как приятно!

– А чо приятно-то? Самоёй-то нет!

– Сквозанула, пока вы мочу сливали, уроды! Нашли время! На фига мы вас взяли?

Судя по разношерстности высказываний, боевая группа сложилась стихийно: просто выпивали вместе люди разных возрастов и образования.

– Она на кухне, наверное, кашеварит... Митяй, ты оставайся здесь у двери на дозоре, а мы пойдем и проводим почетным эскортом нашу королеву Шантеклера!

Последний голос показался мне знакомым и не вызывал неприятия, как прочие.

Они стремительно и шумно прошли мимо нашей секции на кухню.

– И здесь ее нет!

- Зато картошечка варится! Под самогоночку да с салцом!
- Тебе лишь бы пожрать! А девку-то упустили!
- Да она к Пафнутию наверняка завернула! Старый хрыч ей сочувствует и крышует! Последний голос был особенно гнусным.
- Что ж, пойдете к Пафнутию, – сказал знакомый голос.

На этот раз Пафнутий отворил сразу, видимо, наученный прежним опытом.

Через минуту в мою дверную щель потянуло дымом дешевых сигарет, а через смежную стенку довольно громко зазвучали напористые голоса дознавателей, на вопросы которых что-то тихо отвечал робкий Пафнутий.

Я оглянулся на Веронику и застыл в ужасе: она сжимала в руках большой кухонный нож, купленный мною в местном магазине. И сама была как сжатая пружина – только прикоснись и разожмется, с дикой силой вгонит в тебя холодное оружие размером с короткий гладиаторский меч.

– Ты с ума сошла! – выдохнул наконец я. – Успокойся, на моей территории тебя никто не обидит!

Я говорил спокойно, до конца не веря в реальность происходящего. Вообще, следует сразу сказать, что от природы я очень тормозной и требуется немалое время, чтобы я в полной мере проникся ситуацией. Но в данном случае такая особенность моего характера сыграла на пользу – мое воловье (а может – волевое?) спокойствие в какой-то мере передалось и Веронике.

Я положил свою левую руку на ее плечо, которое продолжало нервно дрожать, а правой протянул книгу.

- Верни-ка мне мой нож, пожалуйста! Возьми лучше вот эту книгу...

Книгу она взяла, тупо глядя на обложку – «Убийство Моцарта», однако, нож оставила у себя, опустив руку с ним вниз. «Что ж, хотя бы так,» – подумал я, а вслух зачем-то добавил, будто интересность книги от этого увеличивалась:

- В вашем магазине купил!

Девушка явно меня не слушала, думая о своем – оставаться или уходить. А я продолжал настаивать:

– Ну-ка, присядь – в ногах правды нет (дурацкая поговорка, если вдуматься, – она произошла в те времена, когда у крепостных выбивали правду ударами розог по пяткам, но я часто говорю такие поговорки, когда не знаю, что сказать умнее)!

Я сильнее надавил на плечо и заставил ее сесть на соседнюю кровать. Тут же в дверь очень вежливо постучали, что давало надежду на благоприятный исход.

- Да-да! Дверь не заперта! Заходите пожалуйста!

Я решил разыграть роль рафинированного интеллигента, дабы сбить с мужиков разбитое настроение, революционный кураж, и не допустить ненужных фамильярностей. Но мой план был сразу разрушен.

- Руслан! Друг! Здорово!

На пороге, радостно улыбаясь, стоял Андрей Мордвин, обладатель знакомого голоса. Мы с ним часто пересекались на охотничьих тропах, вели душевные беседы у костра, ночевали в одном балагане и даже иногда вместе браконьерничали. Оба мы были обладателями зарегистрированных подружейных собак, что давало нам возможность получать путевки на болотную и полевую дичь месяцем раньше, чем прочим охотникам на боровую и водоплавающую. И если меня привлекала прежде всего эстетика охоты с легавой, воспетая Львом Толстым, Тургеневым и последующими Пришвиными и Якубовскими, то у Андрея были другие, более прагматичные мотивы.

Он завел нехарактерного для деревенской местности спаниэля, чтобы под его прикрытием снимать сливки: в молниеносных, с зигзагообразным полетом бекасов он вообще никогда

не попадал, а добыв для видимости пару перепелок, спокойно постреливал не разрешенных еще по срокам молодых глупых уток. Какое-то время, попав в плен его плутовского обаяния, я тоже практиковал такое, но вскоре прекратил, почувствовав неприятный привкус от этой хитроумной уловки, часто комплексую и от разрешенных форм довольно сомнительного мужского развлечения.

– Проходи, Андрюха, садись! – я пододвинул ему один из двух стульев. – I'm glad you see!

– Всё умничаешь? И давно ты здесь? – с возбуждённым интересом стал вопрошать он меня, усаживаясь на ближний к Веронике стул. Та, не отрываясь, смотрела в книгу, чтобы не смотреть на нас. Андрей, напротив, постреливал в ее сторону веселыми, как у бекаса, глазами. – Какая-токая нужда привела тебя к нам в неурочное время? Разве не знаешь – весенняя охота в этом году запрещена?

– Не знаю, да я по весне никогда и не охочусь, отвечал я, радуясь неожиданной встрече с неунывающим и по-городскому продвинутым приятелем. – Стоит ли встречать выстрелами вернувшихся на родные гнездовья птиц?

– Это все лирические сопли! Охота есть охота – древнейший мужской инстинкт, от которого никуда не денешься... Однако, ты не ответил на мой вопрос! Давно ли ошиваешься в нашем поселке и по какой надобности?

Он многозначительно покосился в сторону Вероники. У той, сразу почувствовавшей его взгляд, дважды дрогнули веки.

– Третьи сутки. Пиломатериалы у вас тут заготавливаю, – коротко и конкретно, как в повести Ропшина, стал я отвечать Андрею. – Дом я купил на берегу Зеркального. Надо благоустраиваться.

– Матта миа! Так это ты и есть тот самый придурок, что купил некондиционный дом у Вьюрков?

– Тот самый. Только почему придурок и почему некондиционный? Дом шикарный – я о таком всю жизнь мечтал! Fata morgana...

Дом был огромный и вытянутый, как бунгало, но вытянутость была не казарменного приземленного типа, а, наоборот, возвышенно-воздушная, как у Альгамбры. Братья Вьюрковы были профессионалами своего дела – они давно занимались отхожим промыслом и, сбыв мне постройку на берегу озера, навсегда убыли куда-то в пригород строить дома для новых русских.

Но я понимал, что имел ввиду Андрей Мордвин, обзывая мою Альгамбру некондиционной.

– Моргана! Проморганил ты самое главное, – продолжал он меня терзать. – Стены, наружные стены! Они ведь тоненькие, как у этих... английских поросят – Ниф-Нифа и Нуф-Нуфа. Придет Волк, дунет как следует и они сложатся как карточный домик! Да и зимой не протопишься, будут они у тебя замороженные, как иглу эскимоса.

Это правда. Стены были тонкие, в один кирпич тычком, что для сибирских условий совсем не годилось. Такому дому самое место где-нибудь на теплом острове Хэмингуэя или Джека Лондона, в окружении кокосовых пальм.

– И как это ты лопухнулся? – Андрей сокрушенно вздохнул. – Вроде бы и в строительстве понимаешь и сам по жизни практикуешь...

Он с укоризной посмотрел на меня, будто я совершил общественно вредный поступок.

– Понимаешь, полоса у меня черная в жизни случилась, – стал оправдываться я. – Развод и ему сопутствующее надрывное настроение... А тут вариант такой сказочный нарисовался. Сильное впечатление, чтобы отвлечься от гнетущей реальности. Я как увидел этот неземной силуэт, так у меня голова и поплыла...

– А может она у тебя от медовухи поплыла?

– Откуда ты про медовуху знаешь?

– Кто же не знает вьюрковскую медовуху? Так, значит, и тебя не обошли?

– Не обошли. Очень вкусная, между прочим. И голова от нее ясная.

– Зато ноги не идут! Верно?

– Верно! Пришлось меня под ручки до машины доводить и к нотариусу – куплю-продажу регистрировать!

Андрей засмеялся:

– Ушлые ребята! Они тебе даже осмотреть толком не дали?

– Ну, почему? Провели ознакомительную экскурсию.

– Галопом по европам? Мошенники они...

Мне не понравилась такая формулировка:

– Напрасно ты так! У меня ведь нет к ним претензий – сумма для меня приемлемая, а стены я утолщу и утеплю. До зимы еще далеко.

– И будет у тебя дом как у третьего поросенка Наф-Нафа!

– Это как тебе угодно. Но дом я доведу до ума и еще кое-что построю, но только не так, как вы у себя в колхозе лепите.

– У нас, вообще-то, совхоз был – теперь уже на ладан дышит...

Андрей как бы слегка загрустил и задумался, но потом резко встрепенулся как петух и без дипломатических переходов заявил:

– Слушай, а ведь ты у нас девушку увел – будто лошадь из стойла!

Андрей очень начитанный малый, поэтому всегда был интересен мне как собеседник.

Он повернулся на стуле к Веронике. Та уже к этому времени забралась с ногами на кровать и подоткнула под спину подушку. А под подушкой, я не забывал, был нож!

Ноги она поджала под себя, но халат был коротковат – литые колени были напряжены как лапы у пантеры перед прыжком. Правую руку она держала за спиной, а в левой была раскрытая книга.

– Здравствуй, Вероника! – непривычно ласково проворковал Андрей. Я пытался уловить в его голосе фальш или иронию, но не удалось. А он также проникновенно продолжал. – А мы к тебе в гости настроились, а тебя и нет...

Я заметил как дрогнула ее правая рука, в которой был зажат нож. По отношению к Андрею она находилась на расстоянии, достаточном, чтобы полоснуть ножом по горлу. А он, как нарочно, вытянул в ее сторону шею, будто гусак!

Меня мгновенно бросило в жар. Болезненное воображение делает меня импульсивным. Я резко встал.

– Андрей, будь другом, пересядь на мое место!

– Ревнуешь? Это правильно! Все мы тут летчики-налетчики...

Как бы в подтверждение этих слов в дверь пару раз громко стукнули и она распахнулась. В образовавшемся проеме стояли двое сподвижников, а точнее сказать, подельников моего приятеля Андрея Мордвина.

– Это мои друзья-собутельники! – по-своему сформулировал и представил их Андрей. – А почему вас двое? Куда делся Митяй?

– Как куда? Ты же сам оставил его сторожить у ейной комнаты! – мотнул головой в сторону Вероники чернявый мужик с заметно косящим, явно искусственным глазом. – Велел ждать, покуда ее не приведем!

Андрей скорчил страшно недовольную физиономию:

– Что за лексикон? Что за обороты? Она вам что – коза или правонарушительница, чтобы ее приводить? Разве не видите – человек культурно проводит время, хорошую умную книгу читает! А вот ты, Вольдемар, когда в последний раз брал в руки книгу?

Вольдемар брезгливо вывернул губу и изобразил на лице неподдельное презрение, дескать, то ли я дурак или бездельник, чтобы таким образом убивать бесценное время.

– Конечно, кроме распития самогонки и сопутствующих этому безобразий, вас мало что интересует в этой жизни. И хорошо бы варились сами по себе в собственном безобразии, так ведь нет, вам еще непременно надо вторгнуться в личное пространство других, в отличие от вас – апологетов низменных инстинктов, людей более возвышенных и духовно здоровых...

Еще минут пять Андрей раздражался филиппикой перед глупо улыбавшимися собутыльниками, воспринимавшими это как клоунскую выходку своего неформального лидера. Я же понимал, что за этим стоит большее. С одной стороны ему хотелось отмежеваться от своих сподвижников – он знал о моем неприятии разного рода стадных мероприятий, направленных на растерзание личности, и ему хотелось реабилитироваться в моих глазах. С другой, увидев Веронику в другом свете, он понял, что существуют другие пути по овладению ей, более доступные ему, как человеку достаточно развитому и продвинутому. То, что он не оставляет эту затею, я был уверен, зная что ходок он не менее азартный, чем охотник.

Меня как серьезного соперника он не воспринимал, полагая, что я большой мастер размазывать манную кашу по скатерти, вместо того, чтобы сразу брать со стола центральное блюдо, и без всяких ножей и вилок, не откладывая в сторону, разламывать лакомую плоть прямо руками.

А пока, оценив ситуацию, он пришел к мысли сделать шаг назад, чтобы потом сделать два шага вперед.

– Вот что, мои маленькие друзья, – вставая и задвигая стул под стол, сказал Андрей, подражая известному литературному герою. – Банкета не будет – мы чужие на этом празднике жизни!

Ему подходила эта роль и внутренне и внешне. Я с удовольствием наблюдал его, радуясь что своим веселым плутовским обаянием он может умиротворить всех.

Но тут подал голос второй сподвижник – высокий худощавый парень, как бы в контраст первому чернявому, совершенно белесый, почти альбинос. Бесцветные глаза его были хитрыми и блудливыми.

– А как же законы гостеприимства? Опять же – с этим надо разобраться!

Он потряс вытащенной из-за пазухи пластиковой полторашкой, заполненной прозрачной жидкостью.

Андрей на мгновение задумался и спросил:

– Ты как? Может отметим встречу?

Это был самый опасный, чреватый неожиданными последствиями момент. Если бы я согласился (а я был близок к этому, потому что в душе еще саднило от недавнего развода, события могли принять другой оборот. Я бы, конечно, расслабился, и похотливо настроенные молодцы показались бы мне славными ребятами и я бы, наверняка, потерял контроль за ситуацией. Видимо, на это и рассчитывал белесый хитрец. Я как-то сразу понял, что он самый подлый и коварный.

Я посмотрел на Веронику и встретился с ней взглядом. На этот раз она показалась мне съезжившейся и испуганной. Вспомнился рассказ по чтению из младших классов, где то ли Тургеневу, то ли Пришвину, а может кому другому, идущему по лугу с ружьем, бросилась под ноги маленькая птичка – то ли жаворонок, то ли перепелка. Автор был крайне удивлен такому поведению птички, но тут же понял причину странного явления – она искала спасения от налетавшего на неё ястреба.

– Нет, дружище, спасибо! Во-первых, твое предложение противоречит твоей же предыдущей пламенной речи, которая глубоко потрясла меня, а во-вторых... во-вторых у меня завтра предстоит хлопотливый день и пользуясь случаем, я бы хотел просить тебя принять участие в разрешении моих некоторых проблем. Ты, ведь, если мне не изменяет память – тракторист?

– Понимаю, ты ищешь, кто б тебе доставил дрова на усадьбу?

– Не дрова, а доски, – уточнил я и продолжил, стараясь убедить его проявить чувство товарищества. – Мне как-то неконкретно пообещали – то ли поедут, а то ли нет. Со временем у них какие-то проблемы.

– Не со временем, а с алкоголем! – усмехнулся Андрей. – А я именно тот, кто тебе нужен. У меня же сейчас свой трактор, приватизированный. И тележка хорошая имеется – сама сваливает.

– Да доски лучше разгружать вручную!

– Ну-ну... Рачительный хозяин. Вручную так вручную.

– И учти – я хорошо заплачу!

– Это я знаю – ты не жадный. А я, в свою очередь, человек невыносимо конкретный. Будь завтра с утра в трепетном ожидании. Ровно в десять ноль-ноль я подкачу на тракторе к твоему отелю. Вместе поедем на пилораму, – он подал мне руку в знак подтверждения договоренности и одновременно на прощание. Затем обратился к своим недовольным и разочарованным спутникам:

– Соблаговолите выйти, джентельмены! Пойдемте, уважим старика Пафнутия, а потом – по домам... Митяя-сторожа кликните! Охрана снимается за ненадобностью...

Андрей стал дружественно подталкивать в дверь своих сподвижников. Напоследок я успел поймать хищный вожделенный взгляд одного из них, а именно – белесого провокатора, брошенный в сторону Вероники. «Такой просто так не отступится!», – мелькнула тревожная мысль, мешая ожидаемому подъёму настроения.

Еще минут десять они бубнили, распивая известную пластиковую полторашку у Пафнутия. Мне тоже очень хотелось выпить, снять запоздало возникшее нервное напряжение – росло ощущение неотвратимости надвигающихся неоднозначных событий, сопряженных с опасными приключениями. А ведь я сознательно ушел жить в сельскую местность, наивно руководствуясь игриво сформулированным посылом А.С.Пушкина – " На свете счастья нет, но есть покой и воля!», а в реальности получалось так, что правым оказывался другой классик – «Покой нам только снится!»

– Ты много читаешь?

– Да я много читаю – оттого, наверное, такой идеалист...

Я посмотрел на Веронику – она смотрела на меня.

– Это ты сейчас сказала, что я много читаю? Или тихий ангел пролетел?

– Я сказала.

– У тебя красивый голос – как у ангела.

Зря я это сказал – она сразу надулась и замолчала. Наверное, подумала, что я издеваюсь. Или пытаюсь охмурить и соблазнить сладкими и коварными речами. А может ничего и не подумала, а просто ей уже давно претят всякие «комплименты».

Но голос у нее действительно был удивительно красивый и как бы неземной – мелодичный и сдержанно-проникновенный. Я такого от нее не ожидал: думал каркнет как ворона или крикнет пронзительно, как павлин.

Да! Временами она казалась мне чертовски красивой – какой-то дикой первобытной красотой. Я представил ее одетой в звериную шкуру, живущей вместе со мной в пещере на скалистой горе – картина получилась восхитительная! Степень симпатии к ней резко возросла.

Вот так всегда – стоит включить воображение и человек становится безумно интересным!

Между тем, незваные гости ушли. Я вышел в коридор промяться и привести мысли и чувства в порядок. В движении это достигалось быстрее.

Хотелось зайти к Пафнутию, чтобы прояснить некоторые возникшие, не дающие покоя вопросы, но оттуда несло ароматами мужского безобразия, которые диссонировали с фимиамом, закутившимся в моей душе.

Однако старик уловил через неплотно закрытую дверь мое бестолковое хаотичное топтание и сам вышел в коридор. Лицо его было встревоженным.

– Руслан! Надо поговорить!

– И мне хотелось задать тебе кое-какие вопросы!

– Вопросы потом. Слушай сюда: вам срочно надо уходить из гостиницы!

– Почему?

– Я прочитал Кекса. Он скоро вернется и приведет с собой банду обкурившегося молодняка. Сегодня в клубе дискотека – они там сейчас резвятся, колеса глотают, а кое-кто и колется. Придут – море по колено! Кекс у них в авторитете – будут делать, что скажет.

– Кекс – это который альбинос?

– Он. Сволочь еще та.

– Мне он тоже не понравился... А может обойдется? У меня дверь крепкая – косяки с железными уголками. Закроемся и всё.

– Сломают. Для них это будет только дополнительным развлечением. Они сейчас повёрнуты всё ногами бить, как Брюс Ли.

– Сейчас уже другие кумиры... А может нам к Андрею двинуть – всё равно завтра вместе ехать?

– Сразу надо было с ним идти. А теперь поздно. Он живет рядом с клубом, место освещенное, видно все как на ладони. Вас просто перехватят – попадёте аккуратно в лапы вурдалакам.

– Так куда же идти? В темный лес?

– Да. Либо в поле. Там с прошлого года остались стога – можете там до утра сховаться.

– А утром вся нечисть уже не страшна! Верно?

– Утром они совсем другие – просто пай-мальчишки! А вечером натуральные отморозки.

– А как же с вещами? Может, у тебя их оставить?

– С собой забирайте! Какой я хранитель? Сами видели.

Веронике ничего объяснять было не нужно. Она в продолжении разговора с Пафнутием стояла у меня за спиной и всё слышала.

– Вот такие дела, милая девушка! – сокрушённо сказал я ей. – Давай, переодевайся по походному, собирай свои манатки и будем уходить огородами, как посоветовал мудрый старик Пафнутий.

Вероника ушла к себе. Я натянул свою походную одежду, побросал в рюкзак свои вещи, продукты и книги. Вспомнил про новокупленный нож, поднял подушку – его там не было!.. «Конечно! Забрала с собой...» – в раздражении подумал я. – " Вот мерзавка! Свалилась на мою голову.»

А мерзавка уже стояла рядом со мной, упакованная в красивый спортивный костюм и темную ветровку с капюшоном. На плече у нее висела большая спортивная сумка.

Мне ее оперативность понравилась. Спрашивать про нож я не стал.

– Сразу уходите в темноту! – напутствовал нас Пафнутий. – Постарайтесь, чтобы вас никто не увидел и не навел на следы!

– А дверь закрыть?

– Обязательно! И свет оставьте включенным – это их задержит.

– Толково.

– Ключ можете оставить мне, а я потом – Алевтине.

– Попадет тебе от нее за сломанную дверь!

– Ничего, переживет.

– Спасибо тебе, Пафнутий!

– Ступайте с богом!

Глава 2. В бегах

Едва мы успели отойти от гостиницы в темноту, как на ведущей к ней слабо освещенной дороге показалась группа людей, по активной жестикуляции и громким неконтролируемым вскрикам явно малолеток. Похабно похохатывая, манерно переругиваясь и обзывая друг друга нехорошими словами, подчеркивая тем самым свою дружественность и братское единение, они приближались к нашему покинутому обиталищу.

Становилось понятно, что Пафнутий оказался прав в предвосхищении опасных для нас событий, и нам следовало, не тратя времени даром, уносить поскорее ноги, но любопытство и желание окончательно убедиться в реальности накатывающего на нас безобразия, принуждало меня оставаться в скрадке за густыми елками. Вероника, не шевелясь, стояла рядом.

– Они еще и свет не потушили – устроили избу-читальню! – услышали мы гнусный голос Кекса. – И хорошо, что не торопятся – возьмем голубков непорочными!

– Может камнем запустить им в окно да и бог с ними? – предложил вертлявый тинейджер. – Меня Нинка на танцах ждет!

– Твою Нинку на танцах-обниманцах другой хлюст давно уже обжимает, такой же пришлый, как этот! – пресек преждевременное и неудовлетворительное для себя предложение Кекс. – Впрочем, можешь остаться здесь, наблюдай за окном с булыжником! Когда крикну – кидай, только не сразу. А Федот с Бубл-Гамом на воротах будут стоять. Если что, кооперируйся с ними! Главное, кобылу эту стреножьте, а хлюста этого мы сами умоем!

Бойко командует! Наверное, в армии был сержантом, подумал я напоследок, увлекая за локоть в вынужденные бега Веронику, потому что оснований для сомнений не оставалось.

Стараясь не шуметь, мы прошли мимо каких-то хозяйственных построек внутреннего двора, видимо, сараев и кочегарки, потому что под ногами вдруг предательски захрустела угольная крошка. На минуту мы в тревоге застыли, но наши преследователи-сторожа увлеклись каким-то общим веселым разговором, проигнорировав команду своего фюрера рассредоточиться по боевым постам. Помахивая зажженными сигаретами, они громко смеялись и временами что-то напевали.

Такое их поведение было нам на руку. Мы пошли решительнее, перелезли через какую-то ограду, прошли по кочковатому рыхлому пространству, видимо, предназначенному под посадку картофеля, и вроде бы вышли в открытое поле. Но не тут-то было!

Мы уперлись в небольшую, по-весеннему журчащую в низине речушку, которая, как я понял, окаймляла с одной стороны поселок. Летом такие речушки бывают легко перепрыгиваемы с разгона. Но была весна, конец апреля. Земля, пропитанная растаявшим снегом, поддерживала на высоком уровне влагоемкость ручьев, речушек, разных болотцев и озерков, образовавшихся в больших и маленьких впадинах.

Вот и преградившая нам путь речушка, пользуясь удобным временем года, демонстрировала какая она широкая, глубокая и быстрая. Чувства досады не было – от речки веяло такой ликующей радостью жизни, что она невольно передалась и нам!

Я это понял, когда мы переглянулись. Лицо Вероники светилось, синие глаза показались теплыми и добрыми.

Всё же надо было искать переправу и решать куда в её поисках идти – направо или налево?

Слева, километрах в трех, приглушенно гремела поездками великая транссибирская магистраль, и там однозначно имелся через речку железнодорожный мост. Но это было далековато от нашего настоящего местоположения и уводило в сторону от рекомендованных стогов.

Справа была другая дорога – щебеночная, которая вела в мое Зазеркалье. Я вспомнил весеннюю речку, бурно и шумно вторгающуюся в железобетонные кольца, проложенные под

толстым слоем дорожной насыпи, и с каскадами брызг вырывающуюся на волю с другой стороны, обращенной к нашему злополучному поселку.

Эта переправа была намного ближе. Однако, в том направлении речка вплотную примыкала к освещенным домам поселка, который после наущений мудрого Пафнутия казался мне враждебным населенным пунктом, оккупированным фашиствующими элементами. По здравому размышлению, в том направлении должны были быть еще какие-то мостки, используемые местными жителями. Но успеем ли мы добраться до них незамеченными?

Вот уже и звон разбитого стекла раздался со стороны нашего оказавшегося негостеприимным жилища, затем резкое хлопанье тугой подъездной двери, матерная ругань и злобные выкрики вылетающей на улицу шпаны.

Мы были почти спокойны, пока не засветился с той стороны довольно мощный ручной фонарь. Длинный луч от него ровно пошел по кругу, выхватывая из темноты по касательной разные строения, серые штaketные заборы, голые деревья и щетинистые кусты, неуклонно приближаясь к нам.

Вдруг он резко подпрыгнул вверх и описав дугу, стал по вертикали опускаться прямо на нас. Я чуть было не крикнул по киношному – «Ложись!», но Вероника опередила меня, сильной рукой стянув в пойменную низину и пригнув к земле.

Какое-то время мы сидели на корточках, тесно прижавшись друг к другу. Я еле сдерживал чих – выбившиеся из-под капюшона волосы Вероники щекотали мне нос. Тогда я отвел щекочущую прядь вороной гривы, проехавшись холодным носом по теплой щеке.

– От тебя пахнет телёнком, – неожиданно прошептал я и тут же похолодел от своего непроизвольного и сомнительного комплимента.

Но она не обиделась.

– А я на ферме работаю. Телятницей, – ответила она, обаяв меня простотой и скромностью ответа.

– Я не про запах навоза, – на всякий случай попытался оправдаться я. – А про запах парного молока.

– Я поняла.

Луч скользнул по верху башлыка Вероники, осветив прошлогоднюю стерню на той стороне речки, где в некоторой удаленности угадывались темные силуэты осевших серых стогов. Пафнутий был прав в своей инструкции по ориентации на местности, но не учел препятствие в виде водной преграды, видимо, полагая, что для таких молодых и длинноногих она легко преодолима, в торопливом волнении забыв про фактор весны.

– Пошли! – Вероника решительно потянула меня в сторону Транссиба, дороги связующей Москву и Владивосток. «Перехватила инициативу, – подумал я. – Теперь будет водить меня как теленка на веревочке. Ну и пусть! В конце концов, из-за нее заварилась вся эта каша!»

Пригибаясь, будто бойцы в окопе, мы прошли торопливым шагом изрядный путь вниз по течению, пока не уперлись в тальниковые пойменные заросли и вынуждены были подняться наверх. Недружественный поселок светил огнями почти в полукилометре. Мы выпрямились и вздохнули с облегчением. Заросли были непроходимы, но они давали ощущение защищенности, потому что при необходимости, можно было нырнуть в них, как диким кабанам.

– Ты не куришь? – спросил я, чтобы завязать разговор.

– Нет, – предельно кратко ответила она.

– И никогда не курила? – не отставал я.

– Никогда.

– Так не бывает. Всё равно, наверное, пробовала?

– Никогда не пробовала, – также спокойно и ровно ответила девушка.

Конкретная девушка, вздохнул я. Такая не даст проявить охмурительное красноречие. Но всё равно она нравилась мне больше и больше.

Из-за туч выглянул месяц. Новолуние – критическое время, сопряженное с опасностями, как утверждают астрологи. Однако, его скудный свет помог угледеть в нескольких метрах от нас параллельную речке грунтовую дорогу, выбитую автотранспортом. Она явно вела из поселка. Опять возникло чувство тревоги. Как бы в подтверждение, с той стороны затрещали мотоциклетные моторы.

– Ну вот, – с досадой произнес я, озлившись, что прерывают возникшее лирическое настроение.– Похоже, местный фюрер по кличке Кекс, организует на нас моторизованную облаву.

Мы подняли наши довольно увесистые поклажи и стали уходить уже маршевым ходом по нормальной дороге. Вскоре она привела нас к открытому месту на берегу речки, свободному от тальниковых зарослей. Вытоптанная площадка со следами старого кострища свидетельствовала о часто используемой рыбаками стоянке. Речка здесь широко разливалась, образуя живописный плес.

Спасительная идея пришла сразу. Не раздумывая, я скомандовал:

– Раздевайся! Будем переправляться вброд – здесь не должно быть глубоко и течение не такое сильное.

Инициатива опять переходила ко мне. Я развязал рюкзак, разделся до трусов (возникшую было озорную мысль снять их тоже, я сразу отогнал – не до баловства сейчас), побросал в него одежду и обувь.

– Можешь и свои одежды сюда запихать – места свободного много!..

Я поднял голову и онемел: она уже входила в воду совершенно голая, пристроив на голову по-эфиопски спортивную сумку и придерживая ее руками. Поступь ее была ровная, как будто течение не оказывало на нее никакого давления, лишь обмывая белеющее в темноте тело с двух сторон. Завороженный, я сразу вспомнил лесных нимф и речных русалок.

Но на середине она вдруг остановилась (вода подходила ей уже под самые лопатки) и дрогнувшим голосом, разрушая ощущение мистики, обратилась ко мне за помощью:

– Руслан! У меня ноги в чем-то запутались!

Понятно. Руки заняты и нагнуться она не может – сумку с вещами замочит.

Я сразу сообразил в чем дело: наверняка кто-то не успел снять рыболовную сеть с подледного лова – сам одно время промышлял таким способом на маленьких речках.

Из верхнего кармашка рюкзака я достал складной ножик с множеством разнообразных лезвий. Лучше бы, конечно, тот – большой кухонный, который бесцеремонно приватизировала Вероника, но что есть то есть.

Раскрыв самое большое лезвие, я поспешил к статуино торчащей из воды Веронике. Ледяная вода обожгла, и я охнул! А девушке хоть бы что – стоит себе и молчит как стойкий оловянный солдатик!

– Ве-ра-и-ни-ка! – дрожащим и прерывающимся голосом, то ли от леденящего холода, то ли от волнительного возбуждения, а скорее всего от того и другого, я обратился к невозмутимой и прекрасной нимфе. – Сейчас я вынужден буду соприкоснуться с твоим прекрасным телом и даже подержаться за него, иначе вода вытолкнет меня, как поплавок.

Выдавлив это из себя скороговоркой вместе с воздухом, я погрузился в воду, без особенной практической нужды пройдясь левой рукой по ее телу от тонкой талии через крутые бедра к упругим крепким ногам. Так и есть – китайская капроновая сеть! От нанесенного вешней водой мусора она скрутилась в жгут и кое-где прорвалась. В одну из образовавшихся дыр Вероника и угодила левой ногой.

Лезвие ножа было отточено как бритва и тем не менее, мне пришлось повозиться. Я чуть не потерял сознание от отсутствия воздуха, пока не перерезал последнюю ячейку коварной ловушки. Левую часть сети сразу унесло течением. Конец правой я намотал на кулак, в которой

был зажат нож. Придерживаясь за напрягшуюся коленку стойкой Вероники, подобно бедному Ихтиандру, заключенному в тюремную бочку, изрядно ослабевший, я поднялся из воды.

Какое-то время я стоял с легким головокружением, крепко обняв ее за талию и уткнув заледеневший нос в горячую шею, на которой билась в такт сердечному ритму едва осязаемая тонкая жилка. Несмотря на то, что я ее освободил и она это понимала, она продолжала стоять как умная покладистая лошадь в ожидании команды. Наконец, когда голова перестала кружиться, я снял руку с талии, с удовольствием отметив, какое у нее литое и гладкое, как у дельфина, тело.

– Всё! Иди! – я подтолкнул Веронику в спину. Она пошла ровной осторожной поступью, а я продолжал смотреть, опасаясь, что у высокого подмытого берега может оказаться глубокий омут. Однако дно пошло на подъем. Вероника выкинула сумку на берег и ловко взобралась на него. А я продолжал смотреть...

– Иди уж! Глаза выпадут!.. Переохладишься, дуралей!

Она подхватила сумку и убралась с глаз долой, дабы снять с меня наваждение.

Полуокоченевший, но вдохновленный на дальнейшие подвиги, я вернулся на пологий берег, вытягивая следом за собой оставшуюся часть сети. Совсем не сознавая зачем я это делаю, как бы на автопилоте, тащил и тащил. Она оказалась довольно длинной – пришлось подняться наверх, туда, где проходила грунтовая дорога. Пятясь задом, я наткнулся на тонкую молоденькую березку, одиноко росшую на бугре. Немного подумав, захлестнул и обмотал мокрый конец сети за гибкий ствол. Другой конец, закрепленный на жердь-тычок, закинул подальше в тальниковые заросли.

В результате, сеть натянулась на высоте полуметра над грунтовой дорогой и в темноте была заметна только на предельно близком расстоянии.

Конечно, это было наивно, но хотелось как-то ответить на несправедливое и неспровоцированное нами преследование. Я уже слышал, как к нам приближается мотоцикл с потушенной фарой – неторопливо, как уверенный в себе хищник.

Между тем, природа пришла нам на помощь. Небо затянуло тучами, месяц уже не проглядывался в прорехах, стало совсем темно, и вскоре закрапал мелкий, но обильный дождик.

Водрузив на голову рюкзак, я вошел в воду. Она уже не показалась мне такой холодной, видимо, от заигравшей в партизанском азарте крови.

На вероникином высоком берегу местами росли большие деревья. Она и сама ожидала меня взобравшись по наклонному стволу могучей ракиты на крепкий сук, откуда подобно разведчику из племени делаваров наблюдала за моими манипуляциями. Наверное, волновалась, потому что тоже слышала шум приближающегося мотоцикла и даже видела его.

Я взобрался рядом с ней, но увидеть чего-либо уже не мог. Вероника сухо и кратко изложила, что видела при скудном свете растущей луны: темное пятно, двигавшееся к нам с черепашьей скоростью, которое то пропадало, то возникало вновь. Такой был рельеф.

Я представил себе невысокие сухие гривы, перемежающиеся с сырыми заболоченными впадинами – потому и была такая черепашья скорость. Но почему только один мотоцикл? Ведь в поселке мельтешила целая банда байкеров!

– Кекс их в разные стороны разослал.

Она умеет читать мысли!

– А кто он вообще этот чертов Кекс?!

– Бывший сержант не знаю каких войск. Попал в дисбат за издевательства над молодыми. Недавно вернулся. Невеста не дождалась.

– Правильно сделала, что не дождалась – с таким упырем жить!

– Говорят, он ее очень любил.

– Ты так говоришь, будто симпатизируешь этому моральному уроду! – возмутился я (не поймешь этих женщин!). – Послушай, а ведь их всего двое! Нам по силам с ними сразиться!

- Их там трое – это гринькин мотоцикл, трехколесный.
- Ты по звуку узнала?
- Фара не горит.
- А почему?
- Я разбила.
- Чем?
- Топором.
- А зачем?

Она не ответила.

- А кто он – Гринька?
- Мой бывший жених.

Ну и дела! А ведь она, похоже, продолжает любить этого Гриньку! Поэтому и не уезжает из этого ненавистного поселка, работает телятницей за мизерные деньги. Видимо, надеется на примирение.

- Ты хочешь, чтобы он позвал тебя обратно?
- Нет. Я никогда не вернусь в эту гадкую деревню.
- Чего же ты хочешь?
- Я не знаю...

Мотоцикл преодолел последнюю низину, дико взревел и понесся с бешеной скоростью в стремлении наверстать упущенное. Казалось, он порвет как ниточку невесомую сеть и не заметив ее, чего я и хотел уже задним умом, сожалея о содеянном.

Как бы не так! Моя легкомысленная затея сработала!

Врезавшись на полном ходу в препятствие и запутавшись передним колесом в мокрой сети, мотоцикл вместе с ней кубарем полетел по скату в речку. Пассажиры посыпались в разные стороны, водитель же вместе с железным конем сделал сальто-мортале и описав красивую дугу, шумно упал в воду, в то самое место, где стояла совсем недавно запутавшаяся Вероника.

Я не успел испугаться за его жизнь. Зло матерясь и отплеываясь от сети, облепившей ему лицо, он на чем свет стоит, проклинал дурака Кекса, который отправил их в эту сторону. Его спутники, тоже серьезно пострадавшие, морщась от болезных ушибов, ругали мудаков-рыбаков, повесивших сушить сеть в неправильном месте. Мне такая версия понравилась – действительно, надо же додуматься до такого!

Успокоенный и внутренне радостный, я был взволнован другим вопросом:

- А кто из них Гриня?
- Его среди них нет – он действует всегда чужими руками.

Про Кекса я не стал спрашивать. Его гнусный голос я бы узнал сразу.

Мы не стали дольше наблюдать за действиями горе-преследователей. Жертв среди них не было и совесть моя была чиста. Они получили адекватное своим нехорошим замыслам наказание. О том, что мог быть летальный исход, я старался не думать. В конце концов они, а не мы развязали эту войну. И если с их стороны она была откровенно несправедливой и аморальной, то упрекать нас в вероломстве было бы, наверно, неправильно.

Я еще долго размышлял о справедливых и несправедливых войнах, о невозможности к воплощению в жизнь толстовской теории о непротивлении злу насилем, о том, что добро должно быть с кулаками.

На самом деле в глубине души, и даже не очень глубоко, я чувствовал, что во мне пробудилось ретивое, проснулся древний инстинкт воина, не менее древний, чем инстинкт охотника. Благоприятный исход первого столкновения с неприятелем внутренне подвигал к дальнейшему более или менее активному сопротивлению. Хорошо это или плохо, я не знал. Вероника молчала, не давая ни положительной, ни отрицательной оценки моим действиям.

Быстрее, чем я предполагал, мы добрались до железной дороги. Взобравшись по осыпающейся щебеночной насыпи наверх, сели передохнуть на рельсы. Молча погрузили каждый о своем. Оба были некурящие, что было хорошо для нас во всех смыслах. В данном случае не надо было таить огоньки сигарет от неприятеля.

С рельсов нас согнал проходящий состав, идущий с востока на запад. Когда мы скатились вниз на противоположную от поселка сторону, возникло обманчивое ощущение, будто мы теперь в безопасности. Казалось, мы пересекли границу, отделяющую территорию враждебного государства от невраждебного.

Возвращаться на враждебную территорию и окольным путем по полям изыскивать для ночлега рекомендованные стога совсем не хотелось. Это было не только опасно, но и скучно. Открывшееся же перед нами пространство сплошного леса с рассекающей её речкой, ставшей нам как бы родной, манила неизведанностью и возможностью укрыться в чаще. Когда мы сидели на рельсах, тучи несколько рассеялись, пропустив толику лунного света и дали нам возможность охватить взглядом достаточно большой лесной массив, который привлекал неумолкаемым брачным пением весенних птиц, успокаивающим бальзамом льющимся в наши встревоженные души.

И мы погрузились в этот лес, уже представлявшийся мне чем-то вроде сельвы в бассейне Амазонки.

Здесь мы совершили ошибку, точнее сказать, совершил ее я. Непростительно было человеку, периодически обращающемуся к географической карте нашей местности, даже не пытаться восстановить в памяти пересечения голубых ниточек рек с великой транссибирской магистралью. Одним словом, я расслабился в романтическом наваждении весеннего леса и повел Веронику по тому же берегу, на который мы с такими трудностями переправились. Видимо, по этой причине он казался мне более ценным и значимым.

На самом деле, нам следовало перейти на прежний берег, дававший пространство для маневра. Но это я понял позже.

Почти уверенные в своей безопасности, мы из осторожности всё же прошли ещё километра полтора до места впадения нашей речушки в более крупную. Здесь мы к нашей радости обнаружили плетенную из тальника и обмазанную глиной хибарку, видимо, служившую временным пристанищем и укрытием для разных бродяг-природолюбив: охотников, грибников и рыболовов. Внутри оказался выложенный из булыжников камелёк с пристроенной над ним вытяжной асбестовой трубой. Мы легкомысленно решили, что теперь имеем возможность смело развести огонь, согреться, высушиться и перекусить без риска быть увиденными с дальнего расстояния.

У Вероники была кастрюля с вареной картошкой, у меня соленое сало и репчатый лук. С детства увлекаясь историей, я на всю жизнь запомнил, вычитанное где-то, что воины Александра Македонского всегда носили в своих котомках репчатый лук, обеспечивавший им силу, здоровье и неутомимость в длительных переходах и всегда придерживался этого правила.

Мы пристроили мою чугунную сковородку на очаг, нарезали и накидали туда сначала сало, потом лук, и, наконец, известную горемычную картошку. Освободившуюся от нее кастрюлю использовали как котелок, благо она была алюминиевой, вскипятив и заварив в ней крепкий чай. У Вероники нашлись дешевые карамельки, которые показались мне божественно вкусными будто знаменитые восточные сласти.

«Жить стало лучше, жить стало веселей!»

Опьянев от блаженного тепла, вкусной еды и приятного предчувствия грядущих приключений с интересной попутчицей, ощущая себя благородным «лыцарем» -спасителем, я расслабился, и как свойственно самодовольным самцам-сибаритам, вытянулся и развалился на дощатой узкой лежанке, покрытой прошлогодним жухлым сеном. Вероника тем временем пошла к реке набрать в кастрюлю воды, чтобы согреть ее и помыть жирную сковородку и ложки. Вер-

нулась она встревоженной, нарушая тем самым мое безмятежное состояние мечтателя, воображавшего, что он добыл себе, наконец, настоящую джеклондоновскую женщину-скво.

Багряные отсветы от пламени открытого очага делали ее напрягшееся, с обострившимися скулами лицо, обрамленное черными волосами, действительно похожим на лицо дочери вождя краснокожих.

– Там! – она махнула в сторону железной дороги. – Стреляют!

Я тоже слышал хлопки выстрелов, но полагал, что это балуют нетерпеливые подвыпившие охотники, забыв, что в этом году весенняя охота запрещена.

– Разберемся, – спокойно сказал я, и как голливудский ковбой, неторопливо встал и вышел из хижины. Спокойствие мое, происходившее большей частью от того, что я постоянно находился в каком-то параллельном, выдуманном мною мире, с одной стороны имело положительную роль – я никогда не поддавался панике. С другой, чрезмерное спокойствие таило в себе и определенную опасность – иногда, ведь, надо и подсуетиться, чтобы не попасть впросак!

Я огляделся. Мы находились в низине, покрытой низкорослым пойменным лесом. Увидеть отсюда железную дорогу возможно было только взобравшись на вершину более-менее высокого дерева. Но кругом росли всё больше какие-то кустообразные ивы и, судя по запаху от переломленных мною в нервенности веточек, заросли черемухи и прочей подобной крушины.

А вот наше местонахождение, без сомнения, было видно издалека! Мы так раскоचेга-рили наш очаг, что оранжевое пламя с рассыпающимися искрами от сухостойного ивняка, пульсируя, вырывалось из вытяжной трубы высоко наружу, освещая окрестность и предательски подавая сигнал возможным неприятелям.

Вновь раздались выстрелы, но гораздо ближе. Ухом охотника я определил источник – гладкоствольные ружья двенадцатого калибра. Но весенняя охота в этом году запрещена. Стало быть, это либо браконьеры, либо разгулявшиеся пьяные придурки, либо, что вернее всего, наши неутомимые и неотвязные преследователи!

Непонятен был смысл этого шумового эффекта: что это – психическая атака, рассчитанная на то, что мы как зайцы выскочим из кустов или просто пьяный кураж обкурившихся тинэйджеров?

Наверное, то и другое. С одной стороны, расчет на то, чтобы нас обезволить и привести к мысли, что сопротивление и бегство бесполезны, а с другой – молодежи, оторванной от дискотеки, хотелось продолжения веселья. И конечно, на этот раз организованная и целенаправленная облава происходит под непосредственным руководством одного из атаманов.

– Это Кекс. Он любит такое, – сказала за моей спиной читающая мысли Вероника. – Пойдем. Я собрала вещи и потушила огонь... Пойдем же!

– Куда пойдем? Мы зажаты с двух сторон речками! Опять придется лезть в воду.

– Не придется. Здесь есть переправа. Возьми свой рюкзак!

Она подала мне мой собранный и застегнутый рюкзак. «Какая ты славная!» – хотел было я сказать, но вовремя удержался. Не любит она, когда хвалят.

Вновь вскинув свои выюки, мы подошли к бОльшей речке. Я увидел вывернутую с противоположного подмытого берега большую осину, кроной лежащую на нашем берегу. Она ритмично подергивалась ветвями под мощным напором быстротекущей воды, едва удерживаемая остатками корней за вывороченную почву.

Прежде чем взойти на ее дрожащий ствол, я на секунду задумался. Затем решительно снял рюкзак, развязал его и вытащил оттуда самое тяжелое, в первую очередь сковородку.

– Открывай сумку!

Вероника расстегнула свою спортивную сумку. На поверхности я увидел свой кухонный нож и тут же его забрал.

– Он мне сейчас понадобится. Я тебе его потом верну, раз ты без него жить не можешь. В открытую сумку я покидал вынутые из рюкзака вещи.

– Я понесу твою сумку. А ты надевай рюкзак и иди первой. С древнейших времен принято пропускать вперед женщин...

Я хотел продолжить довольно плоским анекдотом о том, что первыми запускали женщин в неизведанные пещеры, чтобы проверить не живет ли там уже медведь или саблезубый тигр, но она не стала слушать продолжения, а накинув рюкзак на плечи, ловко и проворно перебежала на другой берег – будто гимнастка по бревну.

«Таковой она в прежней жизни и была!» – подумал я, вступая с опаской на колеблющийся ствол. Другого объяснения я придумать не мог. Себя-то я всю жизнь воображал непревзойденным канатоходцем, тренируясь этому искусству где только можно. Ходил по рельсам, по разным бревнышкам через ручьи, по стальным трубам, распирающим свайные швеллеры в котлованах метростроя, и даже по верхам бетонных заборов-ограждений, связывая их ушки проволокой между собой, получив за это нагоняй от самого хромоногого Журавлева, знаменитого главного инженера нового начинания в Сибири, неожиданно появившегося у меня за спиной.

Но идти по дергающемуся под ногами стволу, готовому в любой момент окончательно оторвать корни от земли, это совсем другое дело!

Судорожно цепляясь правой рукой за гнущиеся ветви (левой я поддерживал тяжелую сумку, перекинутую через плечо), медленно, страшась потерять равновесие и сковырнуться в стремительно текущую бурливую речку, я, наконец, добрался до самого опасного отрезка пути – голой, без спасительных сучьев, части ствола. Но тут пришла на помощь Вероника!

Покуда я подобно южноамериканскому ленивцу полз по стволу дерева, она успела изготовить длинный шест из ровного ствола молодой березки, так называемую легу, которую и вручила мне, легко и непринужденно подойдя почти вплотную.

«Она всё делает лучше меня! – с восхищением подумал я, глядя ей вслед. – Вот он – мой ангел-хранитель!»

Ступив на берег, я судорожно стал шарить на поясе нож. Его не было и я в ужасе воскликнул:

– Нож потерял! Наверное, в реку уронил!

– Он здесь! Ты его в карман рюкзака машинально сунул.

Она подала его мне, держа за лезвие и иронически скривив губы. «Презирает, – мелькнуло в голове. – Думает, вот губошлеп, который воображает себя ковбоем!»

И всё же она молодец! Всё подмечает и запоминает. И действует умело и оперативно. Кухонным ножом сумела так быстро срубить твердую березку и срезать ненужные ветви. Правда и нож был большой и тяжелый, видимо, предназначенный для разделки туш, потому он мне и поглянулся.

В достоинствах его я еще раз убедился, орудуя им как мачетэ, когда перерубал натянутые струнами остатние корни осины, еле удерживавшие ее за вывороченную прибрежную почву.

– Плыви, милая!

Я оттолкнул ее сначала ногой, а потом шестом. Осине не хотелось с нами расставаться. Она цеплялась ветками кроны за тальниковую поросль покинутого нами берега, ставшего уже враждебным.

И вновь я почувствовал близость Вероники, тоже взявшей за шест и прильнувшей ко мне в стремлении помочь. Из ее распахнутого ворота пахло разгоряченным телом – запах пота напоминал распаренный березовый веник.

Вдвоем мы оттолкнули осиновый комель почти на середину речки, то есть на самый стрежень. Мощное течение помогло нам, раскатав ствол и выдернув крону из зацепистых зарослей. Помахав нам на прощание ветвями, подхваченная потоком, осина скрылась в темноте.

Конечно, спустя некоторое время, ее обязательно прибудет к берегу и развернет, восстановив статус нерукотворного моста. Но случится это уже ниже, за пределами полуострова, и наши неугомонные преследователи не смогут им воспользоваться.

Прежде чем согласно обещанию отдать нож Веронике, я заострил им оба конца шеста – получилась сарисса, знаменитое копьё македонян. С помощью таких длинных и тяжелых копий отважные воины Александра сокрушали превосходящие силы противника. Вероника с интересом наблюдала за мной и не торопилась. Похоже, я начинал забавлять ее своими фокусами и постепенно становился симпатичен.

Между тем, наши противники приближались. Через чащобу стали пробиваться лучи фонариков и слышны голоса людей. Более того, к ним добавился лай собаки!

– Вероника, тебе не кажется, что мы попали с тобой в другое время – на полвека назад? И бежим мы из фашистского концлагеря, и преследуют нас гитлеровские вертухай?

«А собака толковая,» – подумал я с уважением. – " Как она верно взяла наш след и целеустремленно ведет куда надо. Наверняка, немецкая овчарка – они самые умные.»

Но вспомнив, кого она ведет и кто у них командир, невольно представил себе другой образ собаки: белесого, похожего на Кекса бультерьера с маленькими, налитыми кровью глазами и жуткой мордой монстра-убийцы.

Я люблю собак. Всю жизнь был собачеем, и предпочитая по известным причинам легавых, относился с большей или меньшей симпатией и к другим породам.

Но эту мерзкую породу, ставшую популярной среди определенных кругов населения – после того как прорвало канализационную трубу с Запада, патологически возненавидел. Случалось видеть самому и слышать от других, как на собачьих выгулах, с молчаливого согласия хозяев, они душили не только бродячих котов, которым к счастью в большинстве случаев удавалось улизнуть в подвал или залезть на дерево, но и своих же бедных собратьев, без шансов на спасение: добродушных уличных пёсиков, подкармливаемых одинокими сердобольными старушками.

На мои замечания, что это не есть хорошо, самодовольные и уверенные в своей правоте новые хозяева жизни, явные торгаши-спекулянты, мило улыбались (если женщины), либо похохатывали (если мужчины), культурно и убедительно объясняя, что необходимо избавляться от разных носителей заразы без определенного места жительства.

Забывшись под впечатлением вспыхнувших воспоминаний, я воинственно поднял и потряс свое увесистое копьё:

– Я убью этого мерзкого бультерьера! Пусть только переберется сюда!

– Это не бультерьер! Это колли.

На мой недоуменный вопрошающий взгляд Вероника сочла нужным пояснить:

– Шотландская овчарка.

– Я знаю, что колли это шотландская овчарка. Но почему ты решила...

Она не дала мне договорить, прервав потеплевшим голосом:

– Потому что это Ральф.

И тут же резким пронзительным голосом закричала:

– Ральф! Ральф! Ко мне!

Раздался треск ломаемых сухих веток и через несколько секунд на противоположном берегу нарисовалась Лесси – красивая, длинношерстная, рыже-белая собака.

– Иди ко мне, миленький! Иди ко мне, Ральфик! – ворковала Вероника.

Нерешительно потоптавшись, поскуливая в боязливом нетерпении, Ральф вступил в воду и поплыл. Течение отнесло его метров на десять ниже, прежде чем он выбрался на высокий осыпающийся берег. Отряхнувшись от воды, радостно махая хвостом и улыбаясь, он потрусил к нам.

– Не бойся! Он хороший. Единственный настоящий человек в этой семье.

Я понял, что пес с гринькиной усадьбы, и у Вероники с ним самые дружественные отношения, если не сказать больше. Наверное, он тосковал по ней, поэтому и след взял так быстро и, в душевной простоте и без задней мысли, повёл за собой наших врагов.

Я вспомнил свою городскую охотничью собаку по имени Дейзи. Когда мне случалось уезжать в командировку, она отыскивала какой-нибудь непостиженный элемент моей одежды и уходила с ним в свой угол молча страдать. Несмотря на то, что была беспредельно доброй, как и все легавые, она угрожающе рычала, если кто хотел у нее это отобрать. Вот такие они трогательные и преданные существа – собаки!

Пообнимавшись и пооблизавшись с Вероникой, пес вдруг лег у моих ног. Для меня это не стало новостью. С собаками у меня, как правило, дружественный контакт возникает сразу, причем без всяких посылов с моей стороны.

Как-то будучи в гостях у представителей вышеупомянутого слоя, мне довелось пережить несколько тревожных минут. Хозяйский бультерьер вдруг залез ко мне на диван, положил лапы на плечи и стал лизать у меня за ушами. Оцепенев от ужаса, я боялся шелохнуться, а хозяйева, умиленные действиями своего любимца, весело смеялись.

– Они здесь! – раздался возглас с другого берега, и тут же вспыхнул-хлопнул ружейный выстрел и дробь просвистела у нас над головами.

– Бежим! – мы совсем забыли о наших вооруженных преследователях, а они проявили военную хитрость, напоследок сменив тактику – выключили фонарики и без шума преодолели последнюю сотню метров.

Пригибаясь, мы скатились в низину и понеслись, как вспугнутые косули. Пес, радостно вспрыгивая, бежал рядом.

– Стойте, суки! Убьем!

Как бы не так – мы спортивные ребята! И покрыть зону досягаемости дробовика было для нас делом нескольких секунд.

Однако, мы продолжали бежать еще несколько минут, а потом, запыхавшись, с колотящимися сердцами, долго шли пешком – как мне казалось, сами не зная куда, лишь бы подальше.

Впереди шла Вероника с моим облегченным рюкзаком за плечами. Я, как положено джентльмену, тащился сзади с тяжелой сумкой. У меня болел бок от неправильно уложенной в нее сковородки, а поправить удобнее не мог, потому что в другой руке у меня была сарисса.

Выбросить ее я не решался, придав ей в своем воображении мистическое значение как палочке-выручалочке. Кроме того, она была очень ровной плюс изготовленной самой Вероникой, что увеличивало ее ценность в моем восприятии. Но главной причиной, не позволявшей мне отказать от сариссы, был всё-таки пробудившийся во мне древний инстинкт воина.

То есть, проститься с единственным моим оружием было равносильно переходу на позиции смирения и несопротивления, что в свете последних событий, когда мы несмотря ни на что переигрывали соперников, было бы капитулянтством. Только сейчас до меня дошёл в полной мере смысл нежелания Вероники расставаться с кухонным ножом, который в ее руках был чем-то вроде акинака в руках несклонной к покорности скифской женщины.

Как только на пути появилась удобная природная скамейка в виде сломанной бурей березы, я объявил привал. Пора уж было преодолеть обуявший нас животный страх, отдохнуть, перемотать портянки и привести мысли в порядок.

Я спустил свою торбу на землю и поставил стоймя свою сариссу. Она возвышалась над мной на полтора метра.

«Длинновата...» – подумал я. Древнемакедонское оружие явно не было рассчитано на условия сибирских перелесков!

– Дай-ка сюда нож. Надо привнести некоторые технические изменения в мое оружие и сделать его более удобным.

Я обтесал древко от коры-бересты, укоротил его до уровня своего роста и закруглил концы. Покрутил туда-сюда: получилось тоже известное оружие, оно же и посох с забавным названием БО! Я мысленно перенесся из античного Средиземноморья к тихоокеанским берегам восточных цивилизаций...

Когда-то, в армейские годы, мне случилось целый месяц пасти отару курдючных овец. Служба проходила в Туркестанском военном округе. Зажиточные представители местного населения были в дружественных отношениях с нашими офицерами, и последние, для поддержания их не без личного интереса, имели обыкновение вверенных им отечеством солдат отдавать иногда в аренду – для производства каких-нибудь малоквалифицированных работ, как то: ремонт и строительство домов и дувалов, копка садово-огородных арыков, очистка от грязи колодцев и хаузов, и так далее, и тому подобное.

Мне повезло – меня отдали в чабаны, что более чем соответствовало моему поэтическому мироощущению природолюбца и созерцателя.

Обязанности мои были предельно простыми – рано утром вместе с отарой в двести голов уходить в полупустыню, в обеденное время приводить их домой на водопой, отдохнуть от жары и потом опять в поле до сумерек.

Вечером мне предоставлялось право отдыхать по собственному усмотрению. И я, конечно же, предавался чтению.

В углу отведенной мне для проживания глинобитной каморки я обнаружил огромные кипы старых и новых журналов, неизвестно как сюда попавших (интересоваться этим по восточным понятиям было неприято) и предназначенных для растопки.

Среди множества новеньких партийных журналов, которые никто кроме меня даже не раскрывал (судя по первозданно чистым страницам, источавшим свежайший типографский запах), я обнаружил чудом затесавшиеся замусоленные номера «Вокруг света».

Понятное дело, я накинудся на них с жадностью изголодавшегося зверя.

Если из всей партийной макулатуры мое внимание привлекла только статья о международном троцкизме в глупой надежде почерпнуть в ней что-нибудь познавательное-интересное и неизвестное (однако текст оказался скучнейшей идеологической прокламацией без каких-либо аргументов), то немногие номера научно-популярного журнала зачитаны были мною до дыр.

Хозяину пришлось по душе мое увлечение, потому что в отличие от моих предшественников я не напрягал его просьбами разбавить скучный вечер бутылкой-другой «Чашмы» или самодельного вина.

Вместо этого, по собственной инициативе из уважения к моей «образованности» и скромному поведению, он приносил либо кувшин кислого молока, либо блюдо с нарезанными дольками дыни или арбуза, а в последние дни моей командировки и с гроздьями поспевшего винограда.

Липкими от дынно-арбузного сока руками я усугублял замусоленность любимых журналов, с детства имея привычку есть и читать одновременно.

В одном из номеров я и вычитал про древнейшее искусство боя деревянными палками, с помощью которых простые крестьяне могли противостоять хорошо вооруженным грабителям и бандитам. Особого совершенства во владении боевыми шестами достигли монахи известного храма Шаолинь, на равных сражавшиеся и с регулярными войсками агрессоров.

На пастбище я был по существу номинальным лицом – всё за меня делали два умнейших и работающих пса-алабая с традиционными именами Арслан и Джульбарс. Однако скучать я не умел благодаря неистребимой склонности к фантазийным перевоплощениям. Вот и теперь, пастуший посох превратился в боевой шест, которым я манипулировал весь световой день...

Я покрутил в пальцах березовую палку бо – сыровата, конечно, и кривовата. Но ничего – и с такой пробьемся!

Я сделал боевым шестом восьмерку, пару раз протащил у себя за спиной, совершил несколько молниеносных выпадов вперед, рассек воздух диагональными ударами крест-накрест, и в завершении, положив палку бо себе на правое плечо, со всей силы нанёс сокрушающий удар сверху вниз по опавшей прошлогодней листве.

Встревоженный Ральф вскочил на ноги и хотел было меня обляять-отругать, но Вероника его остановила успокаивающим жестом. Немного поворчав, он улегся на прежнее место. Сама же Вероника, как мне показалось, едва сдерживала смех. Что ж, положительные эмоции и хорошее настроение, несмотря на критичность нашего положения, уже шаг вперед в направлении победы.

Неоднозначная реакция моих спутников на мои боевые манипуляции палкой бо вкупе с отдаленным шумом приближающегося поезда принудили меня остановить тренировочный процесс. Я погладил пса по голове, чтобы восстановить и закрепить возникшую ранее взаимную симпатию. Ральф откликнулся мгновенно, вскочил на ноги и завилял радостно хвостом.

Шум, между тем, нарастал, стук колес тяжеловесного состава становился отчетливее, и вот он уже громыхал совсем рядом, вселяя в душу оптимизм своей неукротимой жизнеутверждающей мощью.

Глава 3. Переформат

Ритмичный перестук колес проходящего экспресса, возможно связующего Тихий океан с главным городом страны, невольно ассоциировался с ее воображаемым пульсом. Происходившие с нами события показались мелкими, глупыми и ничтожными. Захотелось поскорее поставить точку.

Представившаяся мне карта необъятной страны сузилась и сфокусировалась на нашу местность. Наконец-то я взялся за ум и воспроизвел в памяти конкретный участок транссибирской магистрали с ныряющими под нее синими ниточками рек. Оказалось всё очень просто – одна из них, а именно последняя, которую мы перешли по стволу, была Светлой!

Значит, если мы пройдем по железной дороге вправо, то непременно достигнем моста через Светлую, а там, вверх по ее течению, доберемся и до моего дома. Расстояние уже не пугало: лучше идти долго, но спокойно, как навьюченные верблюды, чем шарахаться и прыгать как зайцы по кустам, рискуя быть подстреленными безбашенными тинейджерами!

Захотелось поскорее домой. Мой дом, как известно, моя крепость. То, что преследователи могут осадить ее или брать штурмом, мне как-то не приходило в голову. Просто надоело быть в бегах! Хотелось нормальной крыши над головой, домашнего комфорта, хорошей вкусной пищи.

– Пошли, ребята! – я закинул на плечо сумку. – Держи свой тесак!

Я отдал Веронике нож, взял в правую руку палку бо. Настроение явилось новое – приподнятое. Захотелось петь. Но петь из конспиративных соображений было нельзя. Тогда я негромко, но внутренне ликуя, засвистел себе под нос «СТРАННИКОВ В НОЧИ» Фрэнка Синатры.

Когда же мы поднялись по насыпи на знакомую «железку», я осмелел и тихонько запел, но уже другое, советское и тоже жизнерадостное:

– " Опять по шпалам, опять по шпалам, иду домой по привычке!..»

На самом деле я шел по рельсу, по другому – Вероника, а между нами, оправдывая слова песни – Ральф. Он же первый и остановился, окаменев в характерной для всех собак стойке, когда впереди есть кто-то невыясненный.

– Вероника, возьми его за ошейник, – сказал я, выдергивая одновременно брючный ремень и отдавая его девушке. – Сделай поводок и спускайтесь вниз под насыпь. А я схожу на разведку.

Скинув сумку на шпалы, я подтянул на всякий случай штаны, которые и без того сидели плотно, взял палку бо наперевес и крадущейся бесшумной походкой Чингачгука, двинулся вперед, пристально глядясь в темноту. Под ноги я уже не смотрел – они сами изыскивали шпалы, чтобы не споткнуться.

Впереди послышался шум реки. «В таких местах под железнодорожными мостами всегда лежат какие-нибудь валуны, – анализировал я ситуацию. – Да и сваи создают сопротивление.»

«А вокруг тишина, а вокруг ни души,» – опять застучали в голове от внутреннего напряжения слова песни. – " Только рельсы усталые стонут (это ноги мои стонут!), Только месяц за мною вдогонку бежит (кабы только месяц!)»...

Дальше я не помнил слов. А месяц как раз-таки опять спрятался за тучи, и вновь стал накрапывать дождик. Темень, хоть глаз выколи (тоже дурацкая поговорка – зачем его выкалывать-то?!).

Близкий речной шум внизу известил, что я вышел на мост. Я на минуту остановился, больше вслушиваясь, чем глядясь. Вроде бы никого.

Тогда я сошел с путей и пошел ближе к мостовому ограждению, дотрагиваясь рукой до холодного и мокрого металлического перила.

И тут я запнулся! И чуть не упал. Выручил меня посох, которым я успел опереться и удержаться на ногах. Справа что-то зашевелилось – я запнулся о вытянутую ногу дремавшего человека, испуганно забормотавшего спросонья:

– Что?! Что такое?..

Человек, опираясь спиной в ограждение, стал подниматься.

– А то! – мой посох сразу превратился в боевой шест. Его, согласно правилам, выработанным тысячелетием, я направил в сторону предполагаемого врага. Выглянул тонкий месяц и я разглядел силуэт человека, опиравшегося на ружье, держась правой рукой за ствол!

Реакция моя была незамедлительной – " Застать врасплох монаха Шаолиня невозможно! » Мой первый удар по восходящей пришелся на так называемую паховую область, второй по вертикали сверху обрушился на кисть правой руки. Человек, жалобно охнув, согнулся, ружье упало на мостовую.

По инерции был соблазн нанести третий горизонтальный удар по голове, который мог бы оказаться последним, но я вовремя остановился – " Воин не должен убивать – воин должен защищаться! »

Вместо удара я подцепил концом шеста ремешок ружья, поднял резко вверх палку бо и огнестрельное оружие оказалось у меня в руках.

Здесь я испытал некоторое замешательство: надо было выбирать между древнейшим и новейшим оружием. Не хотелось предавать одно и отдавать предпочтение другому.

Я пошел на компромисс: зажал палку бо под мышкой, а ружье перехватил двумя руками и навел на противника. Двустволка была старого типа – курковая. Я пальцем нащупал пустые отверстия в стволах.

– Там же нет патронов! Какой ты к черту часовой?

– А я и не собирался ни в кого стрелять.

Я взгляделся пристальнее – пацан лет шестнадцати.

– Хочешь сказать, что ты не из банды кексообразных обезьян?

– Меня Гринька Ястреб поднял ночью. Сказал, нужна помощь. А я ему задолжал. Потом уже понял что к чему.

Я осмотрел ружье.

– Зауэр... Поди, палёный?

– Нет. Это дедовский. С войны привез.

– Трофейный, стало быть. Ветерана войны... А ты у него спёр!

– Он умер давно. Осколок зашевелился у сердца.

– А отец куда смотрит?

– Он сгорел три года назад.

– От водки?

– В конюшне, лошадей выручал. Конюшня старая была – бревенчатая.

– Колхозная?

– Совхозная.

– А мать, конечно, в больнице лежит! – сказал я уже в утвердительной форме.

– Да. Второй месяц.

Врет всё, гадёныш! Хороший психолог – прочувствовал, что я неисправимый гуманист и отчаянный пацифист и бьёт в одну точку!

– Так ты один сейчас живешь?

– Две сестренки младшие. И бабка старая – не видит, не слышит.

Точно врёт! Сочинение по Достоевскому, наверное, писал!

– Ну, хорошо (хотя что хорошего – вдруг всё это правда?). А где твои подельники?

– Вас пошли искать, – он махнул рукой в сторону междуречья. – А меня сюда отправили. Сказали, если что, подашь сигнал выстрелом.

– У тебя же патронов нет!

– Почему нет? Есть!

Он подал мне два теплых влажных патрона – рука, видно, вспотела от волнения.

– Я при них зарядил, а потом вытащил когда ушли.

– Почему?

– Вероника хорошая! Просто гордая очень, ни с кем не здоровается. Люди думают, что всех презирает.

– А разве не за что презирать?

– Есть. Только не всех – люди разные.

– Разные... Только почему-то когда появляется авторитетный вожак – выразитель словочных желаний и свинских инстинктов, они сразу объединяются и становятся один за всех и все за одного.

Он ничего не ответил – может ничего не понял? Хотя что тут понимать – вроде все предельно просто.

– А как ты сюда добрался? От того моста по шпалам пришел?

– У меня мотоцикл.

– Двухколесный?

– Трёх.

– С разбитой фарой?

– Нет. Это мой мотоцикл.

Понял, что я имею в виду!

– Он от отца мне достался, – пояснил он для убедительности.

– Иж?

– Урал. Он старый совсем.

– И где он?

– Под мостом. Давайте я вас довезу.

– К своим сообщникам?

– К вам домой.

– Ишь ты. Уже знаешь где я живу!

– Сказали... Вы не бойтесь – я знаю все дороги! Мы доедем к вам через поля.

Вообще-то неплохой вариант. И парень вроде бы неплохой – разговаривает скромно, с достоинством и без кривляний.

– Хорошо. Только пойдем за моими спутниками вместе. Они тут недалеко.

– Мы здесь! – раздался голос Вероники из-под моста.

Значит, она всё слышала. Тем лучше.

Когда мы с пленным спустились вниз, она уже сидела вместе с Ральфом в коляске мотоцикла, примостив впереди себя нашу поклажу – свою сумку и мой рюкзак.

Я принял это как должное – она приучила меня не удивляться.

С парнем она поздоровалась первая, что меня приятно удивило. Возможно, она сделала это специально, чтобы я не сомневался в чистых помыслах Ивана, как она его назвала. Наверное, это было неправильно, но я не удержался, чтобы не съязвить:

– Смотри Иван – не будь Сусаниным!

Иван промолчал, а Вероника укоризненно посмотрела на меня. Тогда я в более мягкой тональности попросил его ехать без боязни, с зажженной фарой. Что будет, то будет! Надоело бояться! Тем более, что мы теперь вооружены.

Ружье я зарядил и повесил на правое плечо, а боевой шест, с которым не хотел расставаться, придерживал левой рукой вертикально, как Дон Кихот свою пику. Труднее всего при-

шло Веронике. Я не стал загружать себя поклажей, дабы не умалять свою боеготовность, и ей одной приходилось всё удерживать, теснясь в коляске вместе с Ральфом.

Но как бы то ни было, успешно преодолев все ухабы и впадины с грязными лужами, тяжелый мощный мотоцикл очень скоро и уверенно поднимал нас на мою высокую гору.

Дом стоял без ограды (она существовала пока только в моем воображении), а потому смотрелся очень живописно.

Мотоцикл беспрепятственно подкатил к самому крыльцу. Я первым слез с седла Росси-нанта и помог выбраться перегруженной Веронике. Ральф выскочил раньше и задрал ногу, ставил свою метку на углу моего замка. Иван выжидательно продолжал сидеть за рулем, не выключая мотор.

Я отдал ему ружье, предварительно разрядив и засунув патроны себе в карман. Приглашать в дом не хотелось, но я всё таки пригласил, соблюдая этикет и отдавая дань благодарности. К моему удовольствию он отказался, ничем не мотивируя.

Почувствовав к нему растущую симпатию, я решился озадачить его просьбой, а именно – если появится возможность, чтобы он сообщил Андрею Мордвину, чтобы тот грузился самостоятельно и ехал сюда, не пытаясь отыскать меня в поселке.

Иван пообещал, что непременно сделает это в первую очередь. Тогда я не раздумывая сунул ему в нагрудный карман куртки купюру, присовокупив, что это для сестренки и слепой старушки. Иван согласно кивнул и сказал, что поможет Андрею погрузиться. Лаконичная конкретность его ответов убедила меня в его правдивой ответственности. Я пожал на прощание ему руку.

В доме оказалось холоднее, чем за его пределами. Сказывалась тонкость стен и долгое отсутствие хозяина. Однако в печке и камине мною заранее были сложены сухие березовые дрова с берестой, которые я в первую очередь и поджег, практически наощупь, потому что электрического света не было, а свой фонарик я оставил где-то в глубине дома. Мои спутники терпеливо ожидали на крыльце – Вероника из-за темноты, а верный пес из солидарности с ней.

Дрова в камине вспыхнули сразу, давая помимо ожидаемого скорого тепла и необходимый свет.

Кроме камина и печки в моем внутреннем оборудовании имелась и газовая плита, работающая на вставных баллонах. Я запалил обе конфорки, водрузив на одну из них чайник, а на другую небезызвестную сковородку. Открыв две банки красной китайской тушенки (одну для Ральфа, другую для нас), и показав Веронике где у меня всякие продукты и кухонные принадлежности, я пошел к роднику за водой.

Деревня на противоположном берегу спала, погруженная во тьму. Только на центральной площади горел одинокий фонарь. Мне такое тихое умиротворение было по душе – здесь всегда в ясную ночь были видны звезды и чувствовалось присутствие бога. Я постоял минут пять, думая о вечном.

Дома уже ожидал уютно и трогательно сервированный стол из немудреных продуктов, имевшихся в моих закромах. Я достал из ружейного сейфа походную фляжку с коньячным спиртом, но Вероника категорически отказалась. Впрочем, по мужским понятиям там было его совсем немного, и я не раздумывая вылил все остатки в себя, уверенный что после пережитых передраг вполне заслуживаю такое скромное вознаграждение.

Однако содержимого во фляжке оказалось достаточно, чтобы меня повело. Сразу потянуло поговорить, вернее допросить, потому что сама Вероника не выказывала внешнего движения к диалогу.

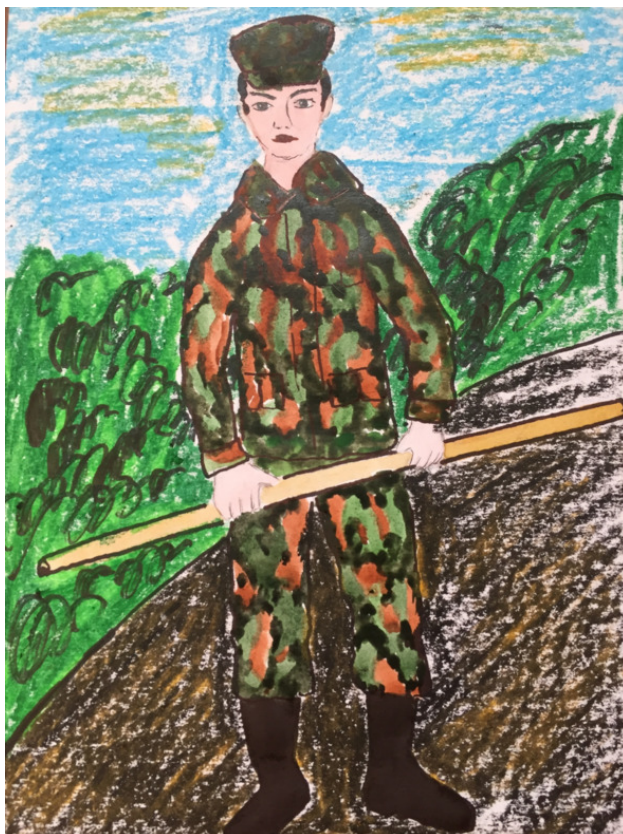
– Береника! – то ли под влиянием крепкого вина, то ли от того, что рот мой был набит едой, я обратился к ней в древнегреческом исходном формате ее имени. – Ты согласна быть моей Пятницей? Как видишь, я живу совсем один – как натуральный Робинзон Крузо. – Она не выразила протеста после моего лихого предложения и я продолжил:

– Я человек конструктивный и уважаю личную свободу другого человека. Давай, ввиду сложившихся непростых жизненных обстоятельств будем вместе вести борьбу за существование, а любить можешь хоть чёрта, только сюда его не приводи! Согласна?

У Вероники в синих глазах заиграли искры. Ей явно понравилась моя краткая, но содержательная речь.

– Я согласна. Только много не пей! Я не люблю этого.

– Yes, certainly. You are quite right, – когда мне задавали неприятные вопросы или в чём-то обоснованно изобличали, я предпочитал отбрехиваться «по-американски».

– Теперь следующее: из доярок тебе придется уволиться...

– Я телятница, а не доярка, – улыбаясь от непонятного мне удовольствия, возразила Вероника.

– Pardon me. Но это всё равно. Мы здесь свою собственную ферму организуем... Завтра Андрей приедет на тракторе, выгрузимся и поедem с ним в поселок увольняться. Пока нет своих средств передвижения, надо пользоваться любой оказией. Можешь не бояться – поутру с похмелья все наши ночные разбойники будут ниже травы, тише воды.

– Я не боюсь... А как обратно?

– Здесь автобус ходит из районного центра – его придется на тракте перехватывать. Только я график движения никак не могу запомнить. Хорошо, если ты возьмешь это дело под свой контроль... И еще: как быть с Ральфом? Ведь это собственность, как я понял, семьи твоего жениха?

– Ральфа я им не отдам!

– That's right. Если что, я им заплачу. Хотя, по справедливости, они должны нам заплатить за моральный ущерб.

Вероника зевнула, прикрывая рот. Наверное, специально, чтобы продемонстрировать пренебрежение к интересам семьи бывшего жениха.

– Да. Пора спать. Нам осталось всего ничего для сна!

Я встал и подбросил в камин дров.

– Иди в спальню и разбирайся там сама как можешь.

Я подал ей найденный фонарик.

– Свежее белье найдешь в сваленной в углу куче – я не успел еще всё разложить по шкафам.

Отправив Веронику, я собрал грязную посуду и хотел было ее мыть – вода в ведрах согрелась.

– Вероника! Я совсем забыл – тут два ведра горячей воды! Можешь сполоснуться в ванной...

Но Вероника уже не отзывалась. Не переменяв белья, она нырнула в мою постель, в которой я и сам по забывчивости ни разу не спал, предпочитая спальный мешок, раскинутый у камина. Так было душевнее и теплее, как в лесу у костра.

Я задумался, стоя у порога спальни – мыть ли посуду или тоже отправиться спать?

А если спать, то где? Растягиваться как собаке у камина или идти в холодный сырой кабинет на диван?

А может попробовать сунуться к теплой Веронике? Она явно показала свою симпатию ко мне во время застольного диалога! Но это противоречило моей недавно произнесенной речи о свободе и неприкосновенности личности и моей декларации о собственном нейтралитете и непосягаемости на ее тело! Вот дурак – сам себя загнал в угол пьяным словоблудием!

Рядом со мной нарисовался Ральф, вдумчиво взглядываясь в меня и как бы соображая, не задумываю ли я что худое против его хозяйки?

Такое бдение-наблюдение сбило с меня и без того робкое желание совершить подвиг и я решил ретироваться. Но тут раздался голос Вероники:

– Иди сюда! Я не люблю, когда стоят в дверях.

– Ты мне или Ральфу?

– Тебе! А Ральфа уложи около камина. Завтра сделаешь ему конуру.

Я хотел было сказать, что завтра и без того будет много дел, но передумал. Не время было дискутировать на эту тему – всему своё время!..

Полуночью мы проснулись от лая собаки внутри дома и тархатенья трактора за окном. Прежде чем вставать и надевать портки, я прильнул было в приливе сокровенной благодарности к Вероникиной шее, но она уперлась руками в мою грудь, не грубо, но решительно отстранив от себя и давая понять, что нежности ей не нужны.

Обиженный и сердитый, я вышел на крыльцо, придерживая застрожившегося Ральфа за ошейник. Обычно веселый и жизнерадостный Мордвин на этот раз тоже выглядел хмурым и озабоченным.

– Что случилось?! С чего это ты так закручинился?

– Пафнутия сильно избили. Алевтина скорую вызвала и милицию. А в твоей комнате окно разбили.

– Это я слышал.

– Тебя допрашивать будут. И Веронику тоже. Ребята просили, чтобы вы не говорили, что они вас преследовали.

– Да? И что взамен?

– Стекло они вставят. Дверь починят. А самое главное – трогать вас больше не будут! Живите себе спокойно и не бойтесь!

– Большое человеческое спасибо! Только мы и так не боимся – отбоялись уже.

– Осторожность всё таки нужна. Пацаны в это дело уже точно впрягиваться не будут, но Гриня с Кексом притихнут только на время. Так что шибко не расслабляйтесь.

- Постараемся... А как там Пафнутий?
- Пафнутий как всегда будет молчать.
- Я не про это! Что с ним в смысле физического состояния?
- Живой... Что с ним делается? Дело привычное – заживет как на собаке! Его часто поколачивают.

– Потому и поколачивают, что не боятся наказания.

Мне стало тоскливо.

- Ладно... Сваливай доски и поедем отмазывать юных ублюдков!
- Ты же хотел вручную разгружать?!
- Перехотел! Жизнь привнесла свои коррективы в моё домохозяйственное настроение. Ральфа мы оставили дома. Взяли с собой только документы.

Милицейский допрос был чистой формальностью. По всему было понятно, что до нас был серьёзный разговор с более солидными людьми, которые всё уже определили. Я в свою очередь не порывался открывать душу и загружать ответственных людей ненужной информацией из опасения нечаянно угодить самому ногой в жир. Про Пафнутия вообще не спрашивали, будто его и не существовало. Видимо, одинокий инвалид был совершенно неинтересен как бесперспективный в смысле возможных гонораров. Разошлись мы учтиво – с чувством исполненного долга.

Передав Веронике эстафету для продолжения процедуры беспристрастного дознания, я отправился к комендантше. Та была грустной и тихой. Рассказала в какую больницу отвезли Пафнутия. Я решил немедленно туда съездить.

- А как его фамилия!
- Пафнутьев.
- А имя?
- Пётр. Пётр Фёдорович.
- Понятно... Спасибо. До свидания!

Комендантша вместо ответа как бы всхлипнула и махнула рукой.

Мы вышли с отпущенной дознавателями Вероникой на свободу и пошли в сторону центральной площади, где были сосредоточены магазины, администрация и разные конторы. Девушка неожиданно просунула мне руку под локоть и плотно прижалась.

«Показушница!» – сердито подумал я, понимая, что ей хочется позлить деревенских обывателей, которые прильнули к своим окнам. Но вновь ощущать ее сильное тело, пусть и в такой интерпретации близости, было приятно, и я, смягчившись, спросил:

- Послушай, Вероника, а ты не знаешь где живёт вчерашний пацан?
 - Иван?
 - Да.
 - Здесь недалеко. Мы будем мимо проходить.
- Иван стоял у своей калитки, будто ожидал нас.
- Здорово, Иоанн! Спасибо, что помог Андрею погрузиться!
 - Здравствуйте!

Я освободился от Вероники и, подойдя к калитке, протянул ему руку. Ответная рука была забинтована в запястьи. Я вспомнил свой вчерашний шаолинский удар.

- Болит?
- Не очень. Опухла, правда.
- Как же ты вчера мотоцикл вёл? И доски сегодня грузил?
- Ничего страшного. Вчера в горячке и не чувствовал, а сегодня я в основном левой поднимал, а правой только придерживал.

Геройский парень! Вот таким, наверное, был и Александр Матросов – сначала хулиганом, а потом грудью на дзот бросился!

- А я грешным делом хотел было тебя попросить, чтобы отвёз нас в больницу.
- Так у меня и прав нет! Я ведь только по полям гоняю.
- Ясно. Придется на автобусе. Заодним и график лучше изучим.
- Можно Андрея попросить. Да он и сам хотел Пафнутию харчей отвезти – там ведь сейчас кормят одним овсом как лошадей.
- Овсяной кашей? Ну это не самая плохая еда, вообще-то! Даже наоборот. Просто мы к ней не привыкли.
- Иван пожал плечами. В его возрасте я тоже терпеть не мог овсянку.
- Так я побегу к Андрею, а вы подождите здесь!
- Мы будем ждать у совхозной конторы! – уже вдогонку крикнул я стремительному папану.

Мы продолжили свой путь как и прежде под ручку. И чем ближе мы приближались к людному месту, тем теснее ко мне прижималась Вероника.

Тогда я подумал, раз уж девушке так хочется подразнить публику, может мне стоит её обнять за талию, чтобы усилить эффект близости. Но она почувствовала возникшую у меня вдруг креативную мысль и сильно стиснула пытавшуюся освободиться руку, полагая, видимо, что это будет перебор.

Когда мы, наконец, появились на центральной площади, женщины, судачившие у магазинов и на автобусной остановке, сразу замолчали и вытянулись, как сурикаты. Курившие мужики, напротив, добродушно улыбались, а кто-то из них даже ободряюще подмигнул.

Веронику от такого зрительского внимания повело. То, что она не позволила мне сделать сегодня утром в удобном для этого месте, она сделала сейчас, на миру.

Резко повернув меня к себе, она прижала мою голову к своей голой шее, так, что я чуть не задохнулся. Потом также резко оттолкнула.

– Я скоро, миленький!

И побежала в контору увольняться. А я тёр шею и удивлялся её силе: как мне всё таки повезло – такая и коня на скаку остановит, и пьяного мужика из горячей избы вытащит! А еще я подумал: раз мы сейчас едем в райцентр и при документах, то может есть смысл сразу подать заявления в загс – пусть нарожает мне законных сыновей, чудо-богатырей, с которыми я осуществлю заветную мечту о конном заводе!

Наверное, в этот момент моё лицо приняло такое блаженно-глупое выражение, что наблюдавшие неотрывно женщины в негодовании отвернулись.

Синий «Москвич» Андрея Мордвина появился в тот самый момент, когда из конторы выскочила неправдоподобно счастливая Вероника, помахивая трудовой книжкой.

– Первый раз вижу её такой! – сказал вышедший из машины Андрей, закуривая сигарету. – Это ты её так осчастливил?

– Почему бы и нет? Я освободил её из плена! – с пафосом ответил я. А сам подумал, какие всё-таки женщины все артистки, даже такие твердокаменные, как Вероника!

Мы сели на заднее сидение. На переднем, рядом с водителем, находился Иван.

– Ты тоже с нами?

– Да. За одним мамку проведу.

– А вы не боитесь, господа-товарищи, на глазах добропорядочной общественности водиться с презираемыми изгоями?

– Не боимся! Мы сами стали изгоями, – нервно отвечал Андрей, безуспешно пытаясь завести мотор. – Супруге с утра добрые люди доложили о моих вчерашних блужданиях в поисках истины!

– In vna veritas? Ты это имеешь ввиду?

– Кабы только это!

Чувствовалось, что ему тяжело и физически, и морально. Я переключился на Ивана.

– А у тебя как дела, Ваня?

– Нормально. Пацаны даже рады, что я отвёз вас домой. Говорят, от греха всех сберёт.

– Ну, и слава богу! Значит, будем жить дальше!

Старенькая машина наконец завелась и рванула вперед. Мы закачались на ухабах. Для удобства и по логике развития предыдущего представления, я поднял руку, чтобы обнять Веронику за плечи, но она тут же отодвинулась к другому окну.

Андрей заметил это в своём зеркальце и ободряюще-иронически подмигнул: дескать, крепись, паря, все они ведьмы!

Ехали молча. Я размышлял на банальную тему, что весь мир театр и все мы в нём актёры. А может не все? Иван, например, разве играет? Да и все остальные, находящиеся в машине, если и играют, то нарочито, пародируя окружающий мир и не собираясь казаться лучше, чем они есть.

Может, поэтому судьба со стремительно развивающимися событиями так быстро скомпоновала нас в команду единомышленников.

Когда мы въехали в райцентр, я попросил Андрея подъехать к местному рынку. Вытащив из кармана довольно крупную купюру, я попросил Веронику сходить на базар вместе с Иваном за продуктами для передачи матери и Пафнутию. На её безмолвный вопрошающий взгляд, ответил, что может расстреливать всю сумму – излишки заберём с собой. Пожав плечами, она, наконец, сообразила, что мне нужно поговорить с Андреем наедине.

Лишь только они отошли на несколько метров, я сразу огласил свою идею:

– Хочу пожениться с ней! Как ты на это смотришь?

– Так скоро?! – горько усмехнулся Андрей. – Ты ведь толком её не знаешь! Она срок мотала за что-то ужасное. Отрубят тебе ночью голову топором и всё! Сам видишь, какая она непредсказуемая.

– Чего это ты? Зачем ей отрубать мне голову? Я ведь её друг-спаситель!

– Друг-спаситель! Сегодня друг, завтра враг. Заведешь какую-нибудь кралю на стороне и тебе капец! Вероника такое не потерпит, – настойчиво и горячо убеждал меня Андрей. – Я думаю, она и сама это понимает, поэтому держит тебя на дистанции, – вспомнил, наверное, как она отстранилась от меня в машине. И уже улыбаясь, добавил: – Это, кстати, и в твоих интересах – сохранишь статус свободного человека!

А ведь верно. Всё верно. Андрей временами бывает страшно умным – он из той редкой породы трактористов, воспетых Борисом Гребенщиковым, которые могут и пива напиток, и Жан-Поля Сартра лелеять в кармане замасленной телогрейки. Одним словом, с женой на Веронике я решил повременить, почему-то самонадеянно не сомневаясь в её согласии.

В больнице мы разделились на две группы: Иван с Андреем пошли проведать его мать, а мы с Вероникой направились к Петру Фёдоровичу Пафнутьеву. Когда он нас увидел входящих с продуктами, губы его, вздутые как у негра, затряслись, а из глаз с припухшими веками потекли безмолвные слёзы.

Мне всегда были чужды сантименты, особенно когда плачут мужчины. Но тут при виде одинокого безобидного старика, на теле которого пьяные юные отморозки отрабатывали лихие удары, не смог удержаться от нахлынувших эмоций и взявшись за его шершавую мозолистую руку, неожиданно для самого себя выпалил:

– Пётр Фёдорович! А ведь мы приехали за тобой... Я пойду сейчас к врачу и договорюсь, чтобы тебя отпустили с нами. Ведь у тебя нет никаких переломов?

Пафнутый еле заметно помотал головой.

– Вот и отлично! Я пошёл, а Вероника побудет с тобою.

Врач сразу дал согласие, сказав что внутренние органы и кости у старика целые, и нуждается он сейчас прежде всего в человеческом участии и добротной еде. Я пообещал обеспечить тем и другим. Врач вызвал сестру-хозяйку и распорядился выдать стариковские одежды.

По дороге домой выяснилось, что помимо статуса пенсионера Пафнутий числился кочегаром и рабочим по уходу за зданием общежития. Я пошутил, что пафнутьевская пенсия даст нам возможность быть вольными птицами, а из кочегаров придется уволиться: «Хватит тебе работы и на нашей усадьбе!»

Мы вновь заехали в поселок Бухалово, забрали стариковские шмотки и прочий его небогатый скарб и отправились в отдел кадров. В приемной администрации мне пришлось самому написать за старика заявление, потому что правая кисть у него вышла из строя и сильно припухла. Оказывается, на этот раз он дал в силу своих возможностей отпор юным негодьям, за что и был сильно избит.

Подпись под заявлением он всё-таки должен был поставить сам. Наблюдая, как перевозимая боль и морщась, он кое-как карябает больной рукой каракули, я вспомнил: " Смиренный игумен Пафнутий руку приложил»...

Глава 4. У озера

Ласковый май прошёл без Вероникиных ласк. Той удивительной ночи больше не повторялось. Правда, вела она себя ровно и доброжелательно, раскрывшись, как безупречная домохозяйка и умелая помощница во всех моих созидательных начинаниях. Возможно её смущало присутствие в нашей жизни Пафнутия, может, мешали воспоминания о прежнем женихе, пресловутом Грине, но скорее всего ближе к истине была версия продвинутого тракториста и моего доброго товарища Андрея Мордвина.

С утра до вечера мы трудились как одержимые: поднимали целину, сеяли и сажали всё что можно и не можно, сооружали высокий глухой забор по аналогии с древнеримским военным лагерем, строили первые помещения для домашней живности мелкого размера (кроликов и птицы), и, наконец, мастерили пчелиные ульи. Трудовой пот смывали прямо в озере. Весна случилась жаркая, а заказанный сруб для бани Андрей привёз только в июне.

Пафнутий оказался исключительно хорошим столяром прежнего, уже забытого образца, обходившимся патриархальными ручными инструментами. Мне удалось результативно использовать пусть небольшой, но реальный опыт бывшего музейного работника-искателя и добыть раритетные инструменты у древних деревенских старушек, намного переживших своих мастеровитых мужей. Благодаря умению Петра Фёдоровича нам удалось не только первый улей, но и конуру для собаки изготовить без единого гвоздя, закрепляя деревянные детали в шипы, шпунты и гребни, предварительно смазав места сцепления столярным клеем.

Наш верстак стоял во дворе на красивой уютной лужайке, обрамлённой молодыми душистыми соснами. Идиллию дополнял вечно крутившийся рядом счастливый Ральф, уже подзабывший свою прежнюю жизнь на цепи. Время от времени, вспоминая чеховскую «Каштанку, я ласково выговаривал ему, что он «супротив человека, всё равно, что плотник против столяра», на что последний отвечал задорным радостным лаем.

Веронике тоже приходилось все женские работы производить вручную. Особенно трудоёмкой оказалась стирка. Как в старые добрые (или недобрые) времена использовалась классическая ребристая доска, вставляемая в гулкое оцинкованное корыто.

Изголодавшийся в известном смысле, я с затаенным вожделием наблюдал за ритмичными движениями её сильного тела. Она ловила иногда мой жадный взгляд, и, как мне кажется, испытывала садистское удовольствие от сознания, что остаётся мучительно желанной даже для романтиков-идеалистов.

Мои робкие поползновения она мягко, но решительно пресекала, как бы напоминая о моей известной декларации о правах и свободах, исповедуемых на территории отдельно взятой усадьбы.

Раздосадованный, я уходил гасить свой пыл в прохладном утешительном озере. Но долго так продолжаться не могло.

В то памятное утро я проснулся очень поздно, засидевшись накануне до первых петухов за придумыванием проекта универсальной конюшни П-образной формы, в которой можно было бы держать и другую живность.

Чтобы окончательно проснуться и взбодриться, я решил первым делом искупаться в озере.

Пафнутий уже копался за изготовлением очередного улья, работой весьма тонкой, потому что отклонения в размерах здесь почти недопустимы.

Вероника же затевала очередную стирку. Её страсть к наведению чистоты была для нас с Пафнутием порою невыносима, потому что сопровождалась бесцеремонным вторжением в наше личное творческое пространство в самый интересный и ответственный момент, когда полёт мысли и созидательный процесс достигали апогея.

Она запросто, не вникая и не сопереживая, отрывала нас от увлекательного дела и заставляла работать что-нибудь рутинное и обыкновенное, что могло бы, по нашим понятиям, и подождать.

Впрочем, по прошествии времени мы убеждались, что такой диктат целесообразен и необходим, потому что в атмосфере порядка и чистоты творилось ещё лучше.

Усовестясь своего запоздалого барственного подъема, я незаметно подал знак Ральфу, чтобы он следовал за мной и прошмыгнул за ворота, стараясь не фиксировать на себе внимание работающих людей.

Оказавшись на воле, уже без страха быть избалованными, мы бодро пошли вниз к синему озеру. Перед нами было открытое, свободное от деревьев пространство с короткой луговой травой. Слева к нашей усадьбе примыкал смешанный сосново-березовый лес, сквозь который проглядывался лагерь отдыхающих туристов, которого вчера ещё не было.

Я мысленно выругал себя, потому что проспал самое интересное. Воображая себя в некотором смысле хозяином данного побережья, я мог бы в непринужденной обстановке пообщаться с еще не обжившимися туристами и дать им какие-нибудь псевдоумные советы.

Теперь же ситуация изменилась и освоившиеся туристы, не стесняясь и не обращая внимания на единственный соседний дом, вели себя очень непринуждённо.

Лагерь был довольно большой, состоящий из нескольких разнокалиберных палаток. Но особенно бросалась в глаза ближняя каркасная – ярко окрашенная и объёмная в форме круглого шатра.

Среди резвящейся около неё молодёжи я невольно выделил сексапильную девушку в мини-бикини белого цвета. Поначалу показалось, что она и вовсе голая, что было неудивительно по наступившим раскрепощенным временам.

Ральф, обычно послушный, и сам по себе с понятиями о правильном поведении, на этот раз не обращая внимания на мои упреждающие команды, рванул к людям и закрутился в пляске святого Витта вокруг именно той самой девушки. Она в свою очередь ахнула от радостного удивления и стала тискаться с нашей собакой. Потом поглядела в мою сторону и поглаживая пса по голове, двинулась ко мне, лучезарно улыбаясь.

«Она была прекрасна, как солнце!» – вспомнил я отзывы современников об Арсиное, младшей сестре знаменитой Клеопатры. Когда во время триумфа Цезаря её вели в числе других восставших и плененных египтян «как козу на веревке» и должны были по традиции задушить в конце праздничной церемонии, восхищенные её гордой красотой простые римляне потребовали сохранить ей жизнь.

Триумфатор вынужден был подчиниться и отправить красавицу в Малую Азию, в город Эфес.

Однако коварная Клеопатра, ненавидевшая сестру, всё же руками очередного любовника – благородного Антония, лишила её жизни. Тот зарубил мечом прекрасную царевну прямо на ступенях храма Артемиды, совершив неслыханное святотатство.

– Здравствуйте! – сказала воскресшая царевна, не переставая улыбаться и поглаживать пса. – А это наш пёс. Его зовут Ральф! Вы знаете об этом?

Я молча кивнул. В горле пересохло.

– Это ваш дом? Хотела бы я в таком пожить!

Из врожденной вежливости, я чуть было не пригласил её в гости, совершенно забыв на мгновение о существовании Вероники.

– Меня зовут Людмила. А вас?

– Руслан, – еле слышно, сдавленным голосом ответил я. Но она услышала и засмеялась.

– А на самом деле?

– Руслан! – громче и решительнее настоял я на своём.

– Ну, хорошо. Пусть будет так, – милостиво согласилась царевна, а я машинально за ней перевёл:

– Let it be.

– Что?

– Песня такая есть.

– Ах, да! Леннон и Маккартни...

– И ещё двое.

– Знаю. Родители их одно время часто слушали, но это было давно... The Beatles!

– У вас хорошее произношение.

– Произношение, возможно, и хорошее, но разговаривать свободно не получается.

– Зато читаете хорошо и правила знаете, верно?

– Верно! В школе вообще одни пятёрки по английскому были! Но что толку?

– Знание правил мешает. Вместо того, чтобы свободно и раскованно разговаривать, вы думаете не нарушаете ли правила. Это сковывает.

– Может быть... А вы знаете английский?

– Я знаю английский без правил.

Она опять засмеялась. Улыбка не сходила с её лица, а я буквально пожирал её глазами, забыв обо всём на свете.

И вдруг с очаровывающей непосредственностью она спросила:

– А правда, что вы у моего брата невесту увели? Я вчера только приехала из Петербурга, группу с собой привезла (она мотнула головой в сторону лагеря) и узнала новость от разных случайных людей. Сам он ничего не говорит, только шутит, а в деревенские сплетни я как-то не очень верю.

Так вот оно что! Родная сестра Грини! Это был удар, подобный электрошоку...

На какое-то время я задумался, переваривая услышанное. Даже потряс головой, и видимо, это помогло.

«Хорошо хоть в Ленинград уехала. Ушлые люди, как правило, предпочитают Москву», – начал я себя утешать, и, наконец, услышал свой голос, довольно уверенный и проникновенный:

– Вы учитесь в Ленинграде?

– В Ленинграде я отучилась, а живу и работаю в Санкт-Петербурге! – засмеялась Арсиноя. – А вам не нравится новое старое название?

– Ленинград как-то милее, – ответил не сразу я, соображая, почему милее. И вспомнил. – Может быть, потому что в раннем детстве самым желанным мороженым, которое продавали в ташкентском киоске, было именно «Ленинградское» за двадцать две копейки!

Она опять засмеялась.

– Вы забавный... А почему вы не приглашаете меня к себе в замок? Мы ведь с вами теперь как бы породнились – у нас общая собака!

– А еще и общая невеста, – добавил я, но она на этот раз не засмеялась, а вроде даже смутилась.

Чтобы сгладить впечатление от неудачной шутки, я уже серьёзно пояснил:

– Там идёт стройка (это я, конечно, приврал). Нет достойного вас комфорта.

Арсиноя почувствовала что я говорю неправду, и как бывает с честными людьми в таких случаях, слегка грустила, переключив внимание на собаку, чтобы избыть неприятное ощущение.

– Я вижу, Ральфику у вас хорошо! – она запустила ладонь в его густую и длинную шерсть. – Такой чистенький весь, подтянутый.

– Мы с ним каждый день купаемся в озере! – абсолютно честно похвастался я. – И не один раз! – добавил тут же, чувствуя радость от своей честности.

– У вас тут как на курорте!.. Вы не против, что мы расположились рядом с вами? Мы не надолго – только на пару дней, а потом на Горный Алтай!

– Жаль, что так скоро.

Мне действительно, было жаль. Несмотря на безусловную необходимость Вероники в моей жизни, она в силу известных причин не могла в полной мере удовлетворить мою жажду тела и нетерпение сердца.

Арсиноя подняла голову и, слегка сдвинув брови, посмотрела на меня. Глаза были чистые и ясные. Непохожа она была на сестру злодея. Впрочем, и у шекспировской Джульетты брат тоже был далеко не ангел.

– Я бы осталась. Сама соскучилась по дому, но мои друзья не поймут...

Она кивнула в сторону лагеря:

– Я ведь у них вроде проводника.

– Они все из Санкта?

– Да. Ищут духовного обновления. Увлекаются буддизмом.

– Так это вам надо на Байкал, в Бурятию. На Алтае ведь шаманизм.

– Знаю. Но без Горного Алтая никак нельзя – многие думают, что именно здесь находятся ключи к сокровенным знаниям о смысле жизни...

Тут выражение ее лица несколько изменилось – она смотрела мимо меня.

– Это она?

Я оглянулся. С суровым лицом и ведрами в руках к роднику шла Вероника.

Мне стало совестно – я забыл о своих обязанностях. Людмила, заметив моё замешательство, сказала, что больше задерживать не будет. Но если у меня есть желание продолжить общение, я могу в любой момент подойти к их костру. Спутники её все люди положительные и общительные, и я, конечно, буду им интересен. Я пообещал, что непременно приду.

Я поспешил к роднику. Вероника молчала и демонстративно на меня не смотрела. Весь вид её показывал презрение к мужскому сословию – дескать, все вы кобели и общаться с вами нет никакого интереса.

Я хотел ей напомнить о действующих на нашей территории принципах свободы и невмешательства, но она, резко повернувшись, и расплескивая воду на бронзовые ноги, заторопилась от меня к дому.

Огорчённый и одновременно вдохновлённый, я побежал к озеру в надежде, что волшебная вода его вернёт мне ощущение гармонии и приведёт противоречивость чувств к общему знаменателю.

Прохладная животворящая вода в сочетании с новыми токами, забурлившими в моей душе, способствовали необыкновенному приливу сил, которые я направил на ранее нелюбимую работу по наведению чистоты и порядка. Кроме того, если не в первую очередь, хотелось реабилитироваться в глазах Вероники, Странно, но я испытывал перед ней чувство вины, несмотря на то, что она сама меня к себе не подпускала.

Весь день я крутился по наведению порядка и чистоты в нашем доме и во дворе: прибрал и разложил красиво весь развороченный нами лесоматериал, собрал щепки, стружку и опилки в разные мешки, по-хозяйски заявив, что всё это пригодится и попусту сжигать не следует. А вот прочий пластиковый мусор и всякую ненужную ветошь сжигал беспощадно.

В доме оказалось меньше работы – всё таки эта была епархия Вероники.

Тогда я включился в стирку. Перестирал всю рабочую одежду, предварительно зашив все рваные места.

Однако лёд в синих глазах Вероники не таял – она только недобро усмехалась.

А когда я помогал ей развешивать мокрые шторы на окнах, поддерживая старую расхлябанную стремянку, дабы она не упала и схватил её за ногу выше колена, когда она резко и неожиданно покачнулась, гордая девушка вместо благодарности стеганула меня, будто ожгла, частью недовешенной шторы по левому уху!

Это было уже чересчур! Я рассвирепел: подхватил её за ноги, опрокинул себе на плечо и потащил как перегнутый ковёр в спальню. Она не стала сопротивляться, только сказала, чтобы срываемые в нервенности одежды не бросал на невымытый пол...

Вечером того же трудного дня Вероника сама изъявила желание прогуляться вместе по берегу и проведать туристов. Прежде того она на целый час закрылась в спальне, которую по своей склонности экспроприировать всё, что ей нравится, давно превратила в свой собственный будуар, заставив нас перенести туда трельяж и шифоньер. Бывшая жена спланировала мне почти всю мебель как морально устаревшую, но меня она пока что вполне устраивала.

Вышла она оттуда накрашенная (первый раз за всё время, что я её видел), с причёской как у античных средиземноморских матрон и в украшениях, о существовании которых я и не подозревал.

Для законченного образа древнеримской женщины из высшего общества не хватало длинной полупрозрачной туники. Я хотел было предложить ей завернуться в штору, которой она меня ударила, но не успел. На крыльце зашебуршился поднимавшийся в дом Пафнутий и она затащила меня скорее в спальню, чтобы он не увидел её в нижнем белье.

Открыв шифоньер, она стала мне по очереди демонстрировать лёгкие летние платья, испрашивая совета, какое лучше надеть. Мне понравилось длинное и узкое, цвета морской волны, воздушное платье с блестящим пояском, которое перекликалось с её диадемой и ожерельем.

Источник происхождения всего этого изысканного добра меня в тот момент вообще не интересовал. С одной стороны Вероника приучила меня к своей загадочности как к нормальному явлению, с другой – все эти её украшения я воспринимал как стеклянную бутафорию типа театрального реквизита.

Когда она одела это платье, я понял, что попал в самую точку. Передо мной стояла последняя царица эллинистического Египта Клеопатра Седьмая из династии Птолемеев.

Я не стал поднимать вопрос об уместности такого шикарного одеяния в нашем захолустье. Почему бы и нет? Наше жилище постепенно приобретало облик некоего таинственного замка и не мешало поддерживать соответствующий имидж как для внешнего восприятия окружающих, так и для внутреннего употребления, для поддержания собственного фантазийного удовольствия.

Пафнугий, готовившийся к вечерней рыбалке и надувавший с этой целью резиновую лодку во дворе, увидев наш торжественный выход, снял с головы панаму, чтобы протереть вспотевший лоб и за одним глазом, видимо, не доверяя им.

Я весело подмигнул ему, дескать, не удивляйся ничему и принимай всё как должное. Старик понял, и ничего не сказав, крикнул как штангист, берущий вес, и вскинув на голову лодку, пошел вниз к озеру проверять нашу потаённую сеть.

Вероника, как я и ожидал, стала разыгрывать новое представление, но уже не такое, как в посёлке Бухалово на глазах его простодушных и неискушенных обитателей. На этот раз публика была другая, из самой Северной Пальмиры, интеллигентная и духовной жаждой томимая.

Идейно вооружившись моим комплиментом на счет схожести с великолепной Клеопатрой в исполнении Элизабет Тэйлор, она шла ровной, несколько семенящей походкой, ни на кого не оглядываясь, вперив взгляд куда-то за озеро, даже как бы за горизонт, видя то, что никто кроме неё не видит.

Я очень боялся, что она запнётся, и своим падением испортит всем волнующую, преисполненную тайной, картину. На всякий случай я поддерживал ее сзади за локоток – за истекший месяц она сильно похудела и стала более утонченной.

Мы спустились к озеру, пожелали отплывающему Пафнугию удачи. Затем медленно, с частыми остановками, как бы любясь закатом, пошли берегом в сторону лагеря туристов. Пользуясь случаем, я беззастенчиво обнимал её за талию и искал губами ту пульсирующую жизнеспасающую жилку месячной давности, когда Вероника стойко и безропотно стояла в холодной быстротекущей воде, поддерживая меня, обессиленного.

Но жилка не находилась – видно, не та была ситуация, когда стоит вопрос о жизни и смерти.

Когда мы подошли к костру с сидевшими вокруг людьми в позах лотоса, из боязни разрушить их медитативное состояние, я молча поднял в приветствии руку, а Вероника изобразила что-то вроде книксена, только со сведёнными коленками из-за узкого подола платья.

Никто на нас не обратил внимания, хотя все были с открытыми глазами. Мы хотели идти дальше, но тут из шатра вышла Арсиноя в длинной белой рубашке старинного свободного покроя из плотной, видимо, льняной ткани.

– Они сейчас все очнутся! – шёпотом сказала она. В руках у нее была мельница с молотым кофе. – Запах свежесваренного кофе выводит их из самого глубокого транса.

Я помог снять подвешенный над костром котелок с вскипевшей водой и заварить кофе. Вероника, обычно деятельная в ситуациях, требующих действия, на этот раз стояла монументально царственная в неподвижной невозмутимости.

Подведенными глазами, удлинёнными по моему совету в стиле древнеегипетских цариц, она довольно доброжелательно наблюдала за суетившейся Арсиноей. Последняя, пыхтя, прикатила из темноты чурбак, на котором они, видимо, рубили крупный сушняк, и хотела застелить его полотенцем под сидение Веронике. Но та кивнула мне и я понял её – сел сам, а Клеопатра присела мне на колени с подчеркнута прямой спиной.

Очнувшиеся медитаторы с любопытством уставились на неё, не зная, что говорить. Разлившая кофе Арсиноя представила нас, как соседей из рядом находящейся виллы.

Я, чувствуя себя главным хозяином на побережье, заботливо поинтересовался каково им здесь, не терпят ли они каких неудобств?

Они отвечали: «спасибо, всё хорошо», и в свою очередь интересовались, не отмечаем ли мы какой-нибудь семейный праздник?

Я отвечал, что «да, ровно месяц как я вывел Клеопатру из египетского плена!»

Почувствовав во мне родственную душу, гости из Северной Пальмиры дружно и доброжелательно заулыбались.

Тогда я решил взять быка за рога и повести беседу в желательном для себя русле, чтобы не затрагивать нашу с Вероникой жизнь, в которой и чёрт бы не смог разобраться.

Я завёл разговор о Шамбале, о её поисках и нет ли у них самих желания найти её. Получилось, что я как бы подбросил сухих сучьев в костер – разговор разгорелся, туристы-искатели заспорили между собой, тема для них была близка.

Это позволило мне не напрягаться и наблюдать за Арсиной. Она ловила иногда мой взгляд и вспыхивала как утренняя роса на солнечном свете. В такие моменты Клеопатра начинала ёрзать на своём троне и незаметно, но больно щипать мне бедро, а я, не обращая внимания на боль, думал, какой я в сущности двуличный человек.

В конце концов, Клеопатре надоело это терпеть, да и сидеть так долго с царственно выпрямленной спиной было крайне утомительно. Она встала с моих колен и поразила всех своим величественным ростом. Все вновь замолчали, созерцая её.

Я тоже не знал что сказать. Уходить от Арсиной не хотелось, и дежурные слова прощания застряли у меня в горле.

Ситуацию разрулил Пафнутий, проплывавший мимо на лодке и увидевший нас у костра. Улов был отличный и ему хотелось похвастаться.

Причалив к берегу, он вытащил наполовину загруженный рыбой мокрый мешок и протащил его к костру. Вываленные на траву еще живые окуни, щуки, караси и карпы произвели необходимое и ожидаемое впечатление и восстановили непринужденную атмосферу общения.

Я предложил Пафнутию остаться с молодежью и сварить им свою фирменную тройную уху. Пусть они запомнят наше волшебное озеро!

Петру Федоровичу такое предложение пришлось по душе – он соскучился по общению с людьми.

Пообещав, что переодевшись попроще, мы вернёмся к ухе, я взял Веронику под локоть и повел по известной мне тропе в сторону дома. Людмила в своей природной непосредственности хотела нас проводить, но Вероника многозначительно жестким взглядом остановила её, давая понять, что это лишнее.

Когда мы пришли домой, я заправил канделябр тремя новыми свечами и пронес их в спальню. Вероника, молча наблюдавшая за моими действиями, выглядела уставшей от неприятного мне психоэмоционального напряжения. Я сам снимал с нее украшения, не подозревая, что они настоящие. На уху мы уже не пошли...

На следующий день Вероника посадила нас всех на цепь: Ральфа на настоящую, меня и Пафнутия на фигуральную. Для людей она придумывала всякие срочные неотложные работы и не отходила ни на шаг, помогая и контролируя исполнение.

За водой на родник она ходила сама, не выпуская нас за ворота.

Если Ральф в недоумении позволял себе возмущенно взлаивать, отвыкнув жить на цепи, то мы с Пафнутием покорно молчали в ожидании скорой амнистии за хорошее поведение.

Однако Вероника продолжала террор, нагружая нас новыми работами.

Поначалу нас это забавляло, потом стало раздражать, и, наконец, под вечер мы взбунтовались.

Пафнутий решительно отправился к своей лодке и стал ее подкачивать с независимым видом свободного человека. Глядя на него, я решил поддержать восстание, сняв Ральфа с цепи и отправившись с ним купаться.

Но было уже поздно. Туристы спешно снимались с лагеря, чтобы не опоздать на вечерний автобус, скоро уходящий на железнодорожную станцию.

Когда я подошёл к ним, погрузившая Людмила гладила Ральфа по голове. На меня она не смотрела, видимо, обиженная.

– Я буду думать о тебе, – сказал я.

Она кивнула. Потом, не глядя, сунула мне кусочек картона. Это оказалась визитка: «Яструб Людмила Павловна» и телефон туроператора города Санкт-Петербург.

Проводить их до остановки я не решился – Вероника выглядывала из-за ворот.

Я взял Ральфа за ошейник и пошёл с ним к озеру.

Купаться расхотелось. Я сел на берег и обнял Ральфа за шею.

Сверху слышались шаги. Я узнал поступь Вероники и мысленно приутоился к тому, что она меня сейчас чем-нибудь огреет. Но она села рядом, прижавшись боком ко мне и протянув свою руку у меня за спиной так, чтобы та легла кистью на мою, обнимающую Ральфа.

Голову она положила мне на плечо. Через минуту я почувствовал как на мою голую грудь закапали теплые слёзы...

На следующий день приехал Андрей Мордвин и привёз долгожданный сруб бани в виде новеньких пронумерованных сосновых брёвен. Пафнутий и Вероника отсутствовали, отправившись в деревню. Там, в назначенное время ожидалась машина с птицефабрики, чтобы реализовать заказанных цыплят, утят и гусят.

Я решил воспользоваться этим и задать Андрею несколько вопросов на волнительную для меня тему. Пафнутия я стеснялся спрашивать, тем более что как некоренной житель, познания для разъяснения смутившей меня загадки он наверняка имел весьма поверхностные.

Андрею я доверял. Несмотря на природную разговорчивость, тайны он хранить умел.

Разгрузив брёвна, мы присели передохнуть. Андрей выгащил сигарету, но не мог найти спички – видимо, выронил при разгрузке. Я услужливо зажёл ему свою. Пару раз глубоко затянувшись, он иронически сощурился, глядя на меня.

– Ну, говори! Вижу пытаться меня собираешься, да всё робеешь!

Я замялся, не зная как начать.

– Видишь ли...

– Не вижу! Говори конкретней и по- существу.

– Хорошо. У нас тут стояли табором туристы и среди них одна удивительная девушка – вся в белом и сама белокожая, но с тёмными волосами и тёмными персидскими глазами...

– Понятно! Быстро, ты однако, переориентировался: «Да, любил я девушку в белом, но теперь я люблю в голубом»? Только у тебя всё наоборот!

– Дело не в этом... Хотя, может и в этом! Короче, посмотри-ка вот это...

Я вынул из кармана визитку Арсиной и передавая, несколько растерянно сказал:

– Мистификация какая-то!

Андрей внимательно взгляделся в визитку. Ирония сошла с его лица. Оно стало серьёзным и как бы просветлённым.

– Это не мистификация. Она сама дала тебе визитку?

– Да.

– Тебе везёт как утопленнику.

– В смысле?

– Так... Поговорка такая. Притягиваешь к себе самых харизматичных женщин. И что они в тебе такого находят?!

– Не знаю. Лучше поясни – она на самом деле сестра Гриньки Ястреба?

– Да. Кстати, для расширения твоего кругозора: Ястреб по-украински звучит как Яструб. Правда, отец у нее был другой – армянин.

– Как это?

– Обычная история. Павел Иванович Яструб отбывал свой очередной срок, а его супруга, красавица Эвелина, не выдержала испытания на верность и понесла от заезжего брюнета. Армяне у нас тогда коровники строили и среди них оказался красавец-сердцеед, от которого все поселковые бабы чуть с ума не сошли. Ну и случилось то, что случилось.

– Как-то не верится, что такая милая и чистая девушка выросла в бандитской семье!

– Ну, во-первых, ты еще не знаешь какая у них семья. Это далеко не урки – они интеллигентнее любых интеллигентов. Я еще ни разу не слышал, чтобы кто-то из них произнес хоть одно ненормативное слово, что для сельской местности нонсенс. Во-вторых, дочь еще девочкой была отправлена в город, в училище-интернат, где при театре балерин изготавливают.

– Но она не балерина!

– Так они не все становятся балеринами, даже те, кто полностью отбывает свой срок. Яструбиха жаловалась, что с ними там обращаются почти, как Карабас-Барабас обращался со своими куклами. И некоторые не выдерживают, сходят с дистанции. А другие по окончании не хотят танцевать в кордебалете и идут учиться дальше. Вот и Люська по окончании училища поступила в университет и так и осталась в Ленинграде.

– Постой, так она не в новосибирском хореографией занималась?

– Сначала здесь, а потом перевелась в Ленинград. Я думаю, тут не обошлось без ее кровного отца. Между прочим, он с ней поддерживает очень тесную связь.

– А отчим ее не обижал?

– Он ее любил и сейчас любит. Да ее все любят! Вот и ты тоже...

В его глазах вновь появилась добрая ирония. В этот момент раздался радостный лай и во двор влетел ликующий Ральф, а за ним вошли со счастливыми улыбками и картонными коробками Вероника и Пафнутий. Из коробок звучал несмолкаемый протестный писк.

Глава 5. Андрей перевозванный

В Вероникиной коробке тянулись вверх головами и пытались выпрыгнуть шустрые пушистые гусята, а в пафнутьевской копошилась плотная масса круглых и разноцветных (от желтого до темно-коричневого) бойких деловых цыплят.

Мордвин, как матерый сельский хозяин, решил сразу дать свою оценку нашим покупкам.

– Гусята – это правильное решение! У вас тут все условия для них – и травка, и вода. А вот цыплят надо было брать бройлерных. Несушки долго растут и мяса с них всего ничего. Если хотите получать яйца, нужно покупать уже подросших молодых.

– Да ладно тебе! – прервал я его. – Для тренировки и эти сойдут. Тем паче они такие красивые.

– Тем паче... Обаче... Маленькие все красивые. Ладно, это ваше дело.

Орлиным взором он окинул нашу дворовую территорию и продолжил:

– Вот что, господа-товарищи... Слушайте дальше. Кто вас ещё просветит? Вам следует срочно делать вольер, иначе подрастающие курята, если прежде того не передохнут, разгребут вам весь огород, а в последующем, если что вырастет, то и поклюют!

Вероника, недоверчиво внимая, уставилась на Андрея. Она пыталась понять, шутит ли он или говорит всерьёз. Трудно было представить, что такие очаровательные малютки могут принести сокрушительный урон её детищу.

Если мы с Пафнутием копались в земле чисто механически, предпочитая другие, более творческие по нашим понятиям занятия, то Вероника отдалась земледелию с непостижимой страстью своей необузданной души и периодически отрывала нас от наших дел, заставляя осваивать новые целинные земли: снимать дерн и перекапывать нетронутую почву штыковыми лопатами.

– Какие-то пессимистические картины ты нам рисуешь, вместо того чтобы поощрять и вдохновлять, – перехватив недоуменный взгляд Вероники, укорил я своего товарища, зная его склонность к шутливости по любому поводу.

Однако Андрей, почувствовав на себе пристальное внимание Вероники, которая до этого демонстративно обделяла его этим, памятуя о его участии в известных событиях месячной давности, на глазах у всех смешно подтянулся и приосанился, как оперный певец на сцене, приутопившийся к исполнению арии.

– Вообще-то, мы специальный птичник уже сколотили! – вмешался Пафнутий, в прежней жизни больше мотавшийся как вахтовик и мастеровой человек, далекий от сельского хозяйства. – Осталось совсем немного. Будет у птенцов доброе жилище!

– Птичник это хорошо, но это для ночёвки и зимнего содержания, – откашлявшись, завёлся Андрей, больше обращаясь к Веронике. – Летом цыплят надо держать на солнышке да на свежем воздухе, чтобы не было рахита, а был хороший рост и крепкое здоровье.

– Солнце, воздух и вода – наши лучшие друзья? – вплёлся я, пытаясь показать свою хозяйственную мудрость.

Однако Андрей не позволил мне солировать, отодвинув на задние ряды в хоре.

– Вода исключается! – решительно отсёк он. – Вода только для питья. От дождя обязательно укрытие, а для купания – корыто с чистым песком. Еще необходимо на первых порах пропоить цыплят поливитаминами, но это вы уточните у вашего ветеринара: какие и в каких дозах. У меня супруга всё делала, а я особенно не вникал.

– У нас в библиотеке должна быть специальная литература! – уже неуверенно подал я голос. – Надо поискать!

– Там только про пчёл, лошадей и прочую скотину! – авторитетно заявил Пафнутий, поселившийся в моём кабинете и изучивший наличие необходимых по хозяйству книг лучше

чем я. Мне же, собственнику жилья, приходилось на ночь преклонять голову, где придётся: в основном на кухне или в большом зале у камина, что впрочем мне нравилось. Возникла иллюзия, что сбоку через спальный мешок припекает лесной костер, а с другой стороны привалившийся Ральф напоминал мою верную спутницу – охотничью собаку Дэйзи.

– Лошади не скотина! – не удержался я. – Лошади – это – гуигнгнымы! Благородные существа!.. – однако, заметив недоумение на лицах собеседников, вынужден был переключиться на другое. Все знают о Гулливере, но у подавляющего большинства познания дальше, чем о лилипутах почему-то не идут.

– Надо бы кому-нибудь отправиться в город, чтобы набрать нужную литературу по сельскому хозяйству. Знание же – сила, а нам она как раз и нужна

– Давайте я поеду, – вызвалась Вероника.

– А ты не боишься, что тебя украдут некие заинтересованные люди... как кавказскую пленницу?

– Не боюсь. Волков бояться, в лес не ходить.

– А я боюсь. Если тебя украдут, мы без тебя пропадем... – очень серьёзно сказал я, представив вдруг её возможную потерю. – Так что, без охраны... никуда!

Вероника изобразила на лице сокрушённую гримаску, но глаза ее повеселели.

– Да я сам вам привезу литературу! – прочувствовав ситуацию, вызвался радостно Андрей. – Сегодня я еду в райцентр... за рыболовными снастями... и за одним покопаюсь в книжных лотках. Ещё и дома посмотрю. Какая-то книжонка должна быть о домашней птице.

– А зачем тебе рыболовные снасти? Ты ведь всегда презирал это дело. Говорил, что только идиоты и лоботрясы могут часами сидеть на берегу и наблюдать неподвижный поплавок?

– То было раньше! – поглядывая на Веронику, сказал Андрей. – Диалектика жизни постоянно привносит некоторые коррективы в мироощущение... Если вы не против, завтра... до восхода солнца... ждите меня на рыбалку!

– Мы не против! – с удовольствием откликнулся я. – Тоже хочу, а то всё только Пётр Фёдорович ловит, а я беру рыбу в руки только чтобы почистить...

– Значит, договорились? – сказал он мне негромко, когда я проводил его к трактору. – Только, смотри! Я приеду очень рано! Чтоб не пришлось мне тебя выцарапывать из Вероникиных объятий.

– Не придется... Меня она подпускает к себе только в исключительных случаях. На этот счёт можешь не волноваться...

Андрей довольно засмеялся и полез в кабину трактора. На прощание крикнул:

– Птенцов на ночь занесите в тепло и без сквозняков! Следите, чтобы были сухими, особенно цыплята. Последним не вздумайте давать кашку! Только сухую пшенику, а поилку сделайте из перевернутой банки с водой на блюдце, чтобы только клювики могли совать. Пафнутий видел, наверное?

– Видел, видел... Ехай, давай! Не волнуйся!

Весь последующий день мы посвятили обустройству зародившегося у нас птичьего хозяйства.

Пока ожидали фургон, наш старик успел активно пообщаться с деревенскими женщинами и получить от них необходимые инструкции и консультации. Вероника в это время по обыкновению своему всех дичилась и держалась особняком.

Поэтому, мы единодушно отдали право командовать парадом Петру Фёдоровичу, сами проявляя инициативу только по мелочам, а в остальном безоговорочно подчиняясь более знающему бывалому человеку.

В его всеохватной мудрости я утвердился ещё больше, когда мы вечером уселись ужинать, все как один испытывая вдруг ощущение появившейся у нас семейственности, должно

быть, как исходный результат совместной возни с птичьей малышкой. Захотелось вдруг душевного общения.

Пафнугий, как по волшебству, достал бутылку сладкого «Кагора», прикупленную им в деревенском магазине во время ожидания машины.

Вкушали напиток дружно и согласно, не исключая Веронику. Разговаривали о простых и вечных проблемах крестьянского быта. Всем было хорошо.

Когда же пришло время спать, я по выработавшейся привычке хотел было отправиться ночевать на своё лежбище у камина. Но Вероника остановила меня и увлекла к себе в спальню. Там она впервые позволила целовать себя в сладкие губы.

Андрей приехал в пять часов утра, но я был уже на ногах. Хорошо, что он привёз с собой червей, и ни каких-нибудь, а самых что ни на есть навозных – упитанных, нарядных и пахучих.

У нас же на холме я никак не мог найти ни то что земляного, но даже и легко рвущегося, непрочного подлиственника. Направился было уж ехать на велосипеде в деревню либо на ближний луг, где паслись коровы и была жирная унавоженная земля, но в этот момент подкатил на своём «Москвиче» мой первозванный друг.

Он вытащил из багажника целый пук сложенных телескопических удилиц, в том числе и два спиннинговых.

– Зачем ты их столько привёз? – удивился я.

– Известно зачем – рыбу ловить!

– Ты собираешься ловить ими одновременно?

– Одновременно не одновременно, но использовать, возможно, придётся все...

Я пожал плечами – у каждого свои причуды.

– Куда пойдём?

– А зачем куда-то идти? – спросил Андрей и глянул в сторону ворот. – Давай попробуем прямо на твоём берегу. Надо же и его и исследовать... Здесь хорошая глубина?

– Глубина – лучше не бывает. Утонуть можно у самого берега, если ты об этом.

– Тонуть я не собираюсь. Хочу поймать большую рыбу, а они держатся на достаточно глубокой глубине.

– Однако... какие познания! Откуда?

– Оттуда!.. «Старика и море» читал?

– А-а!.. Ну-да, ну-да...

Мы спустились вниз. Я взял с собой только две бамбуковые удочки. Наверное, я был консерватор, потому что всегда отдавал предпочтение натуральным материалам.

Пока Андрей раздвигал и расставлял свои удилицы на заранее изготовленные дома тальниковые рогульки, я успел вытащить двух окуней и трёх крупных карасиков.

Ловил я на одну удочку, вторую держал про запас на случай выхода из строя первой. Ввиду самого начала лета рыба была голодной и клевала непрерывно.

Андрей, обречённый наблюдать мои успехи, занервничал, как это случается и с более опытными искусными рыболовами, заторопился, и, как результат, запутал леску на инерционной катушке, настроенной на донку.

В этот момент одно из его удилиц упало с рогулек и с нарастающей скоростью стало отплывать перпендикулярно от берега.

Незадачливый рыболов, бросив спиннинг на траву, кинулся к уплывающей удочке как ягуар на капибару, но поскользнулся и рухнул в воду, сметая другие установленные снасти.

Как добропорядочный человек и гостеприимный хозяин, я не имел никакого римского права смеяться над своим гостем, но не мог удержаться и хохотал неудержимым гомерическим смехом, захлебываясь и стелая, забросив подальше свою удочку в траву, чтобы не запутать леску и не сломать хрупкое удилице.

На мой хохот, вперемешку с громкой бранью Андрея, из ворот усадьбы выглянул встревоженный Пафнутий, а во дворе громко залаял Ральф.

Чтобы поправить положение, а за одним свой имидж доброго хозяина, не вытирая выступивших слез, но быстро стянув легкую спортивную одежду, я бросился в прохладную утреннюю воду вслед за уплывающим удилищем. Успел крикнуть:

– Андрей! У тебя есть подсачёк?! Рыба-то крупная попалась!

– Это я попался! – чертыхаясь, отвечал мой товарищ, с трудом снимая длинный мокрый сапог. – Нету у меня подсачка!

– Как же так?! – отплеываясь от воды, засердился я. – Столько удочек и ни одного подсачка!

Тут я увидел спешно спускавшегося вниз с резиновой лодкой на голове старика Пафнутия.

– Петр Федорович! Будь другом! Там, за книжным шкафом в кабинете – большой сачок стоит! Я им живцов ловлю! Принеси, пожалуйста!

Прокричав последнее, я уже не оглядываясь, сноровистым кролем погнался за франтоватой удочкой, стремительно набиравшей крейсерский ход.

Оно уплывало всё дальше и дальше, чуть не достигнув середины озера. Хорошо, что полая внутренность удилища не давала ему утонуть, а напротив, как гигантский поплавок, время от времени показывало свое местонахождение, приподнимая комель над водой, свидетельствуя о невидимых попытках гигантской рыбы уйти на глубину.

Похоже, рыба притомилась от этих усилий, потому что сбавила ход, и я смог подплыть к удилищу умеренным брассом, чтобы сгоряча не дезориентироваться и не проплыть мимо.

Когда я, наконец, ухватился за комель, сзади на всех парах ко мне подплывали Пафнутий и Андрей. Первый работал на веслах, второй держал наизготовку большой сачок с диаметром обруча почти что в метр.

– Там что-то ужасно большое сидит на крючке! – подтягивая на себя удилище и отплеываясь от попадающей в рот воды, пожаловался я подплывшим товарищам. – У вас тут в местных озерах случайно не водятся марлины? Я боюсь, он утянет меня в океанские глубины!

– У нас тут водятся лохнесские чудовища по несколько штук в каждом! – отвечал повеселевший Андрей. – Ты не боишься?

– Я боюсь, что леска порвется!

– На этой удочке леска хорошая – с расчетом на крупняк! И крючок соответствующий!

Я увидел силуэт большой рыбы, довольно спокойно проплывшей мимо меня без всякого натяга лески. Вид у нее был вполне миролюбивый.

– Возьми удилище! – подал я Андрею комель. – Это карп. Большущий! Дай мне сачок! Ты всё равно не сможешь подтянуть его близко – удилище сломаешь!

Андрей взял удилище и стал выводить им синусоиды на воде, стараясь вписаться в конфигурацию движений рыбы. Я же, хорошенько смочив мелкочейстую сетку сачка, чтобы не вздувалась пузырем и скользнув левой рукой по слегка натянувшейся леске для более точной ориентации, правой подвел его под рыбу. Обод у сачка был широкий, а сетка глубокая: рыбина сразу попалась в ловушку и забила в ней тяжело и мощно. В тот же момент дзинькнула лопнувшая леска, больно ударив меня поплавром по лицу.

Я вцепился обеими руками за горловину сетки, жгутом свернувшуюся от бешеного вращения подводного обитателя, и, рискуя захлебнуться от каскада брызг, помог перевалить пудового карпа в лодку. Правда, когда мы его потом взвесили, он почему-то оказался в полтора раза меньше, но все равно объем был на редкость внушительный. Мне, по крайней мере, такого здоровяка ловить никогда раньше и позже уже не доводилось.

Какое-то время после возвращения на берег мы еще продолжали рыбачить удочками, но всё, что нам попадалось по сравнению с выловленным карпом, казалось мелочью. Уровень

азарта был уже не тот, и мы решили переключиться на другие дела, развести костер на месте кострища, оставшегося после туристов, и сварить уху.

Все эти хлопоты взял на себя добрый Пафнутий. Он же принес из дома котелок, миску и ложки, а также необходимые для ухи ингредиенты.

Андрей сходил к машине и вернулся с поллитровкой и походным стаканчиком. Не дожидаясь ухи, мы пустили его по кругу – для сугрева. Пафнутий продолжил священнодействовать около костра, а мы, чтобы не мешать этому серьезному делу, отошли к воде.

Мордвин закурил, и как мне показалось, после выпитого и переживаний, особенно сладко затянулся.

– Карпа поделим пополам, – великодушно заявил он.

– Карпа ты повезешь домой целиком, – не менее великодушно откликнулся я. – Зачем такую красоту разрушать? Перед домашними похващаешься – какой ты удалец!

– Ну, удалец-то, пожалуй, не я. Какая тут моя заслуга?

– Большая! Если бы карп попался на мою удочку, он мгновенно бы порвал леску, потому что такую толстую жилу на поплавочную удочку я бы никогда не додумался поставить! Значит заслуга сто процентов твоя! Новичкам, вообще, везет...

Андрей задумчиво посмотрел на меня.

– Я не понял – ты меня хвалишь или издеваешься? Последняя фраза прозвучала будто «дуракам везёт»!

– Успокойся! Твоя неопытность сыграла решающую роль. Ты и глубину сделал большую, чем положено... То есть, нарушил классические правила, которые и принесли неожиданный успех: поплавок лежал на боку, а леска на дне. Получилась донка, и карп без боязни взял наживку. Если бы она болтался перед носом на весу, опытный бывалый карп ни за что не купился бы на такую наживку. Так что, без ложной скромности, можешь считать себя героем!

Андрей выбросил сигарету и шумно, с удовлетворением, втянул в себя воздух, слегка надувшись от приятно пришедшего осознания своего нешаблонного рыболовецкого хода:

– Тогда пойдём... повторим во славу героев-новаторов!

Мы повторили. Пафнутий отказался и попросил нас уйти, чтоб не мешали процессу. Мы вернулись на свою прежнюю диспозицию у берега.

– Всё таки, неправильно забирать мне всю рыбу! – не успокаивался Андрей после повторной дозы. – Давай поделим... по хребту!

– Ни в коем случае! Жену порадуешь, что не зря ездил. А то подумает еще чего другое...

– Она всё равно подумает.

– Знает, куда ты поехал?

– Конечно.

– А фактор Вероники её не смущает?

– Еще как смущает! И не только её: поселковые бабы постоянно пытаются меня о ней. В курсе, что я тебе материалы вожу.

- Их так волнует ее судьба?
- Как сказать... Скорее, они не могут найти адекватную тему для сплетен.
- Бедные женщины! И что ты им отвечаешь?
- Что всё нормально, но они не верят. Говорят, что ты бич и дурак, и что постоянно дерёшься с ней.
- Интересное видение... Своеобычное, я бы сказал...
- А может в этом и заключается народная мудрость и ты про себя не понимаешь то, что прозорливо понимают другие?
- Неужели разговоры о нас, представляют такую важную составляющую в устном народном творчестве твоих односельчанок?
- Не только односельчанок, но и односельчан. Некоторые из них еще долго вас не забудут.
- Ты имеешь ввиду Кекса?
- А еще Гриньку Ястреба.
- Ему то что? Она ведь больше не маячит в его владениях? Да и другим пора успокоиться. Всё-таки, я увёл от них возмутительницу спокойствия, взяв крест по обузданию её на себя.
- Так она ж тебя уже угнетает?! Или мне показалось?
- Правильно угнетает. Иначе бы мы устроили тут натуральный творческий бардак... Как настоящие художники.
- Я не в том смысле. Ты уже косишь лиловым глазом на других девушек, – он лукаво посмотрел на меня. – Которые в белом...
- Подумаешь, преступление! Полюбоваться даже нельзя? Красота для того и существует на белом свете, чтобы ее наблюдать и получать эстетическое удовольствие!
- Только ли эстетическое? Мне-то не ври.
- Я вспомнил лучезарную Арсиною и легкое воздушное общение с ней – не такое, как с другими. Наверное, мы оба были с ней из одного карасса!

– Понимаешь... Вероника всё время молчит... и только просвечивает меня насквозь рентгеном синих глаз. А хочется...

Я замялся, сам не зная чего именно хочется, помимо того что понимает Андрей в своих настойчивых и целенаправленных изысканиях.

– Понимаю. Можешь не продолжать. Пойдем к Пафнутию. Он уже первую закладку вытаскивает из котелка.

Пока мы шли к костру, он нашел нужным меня предупредить:

– Смотри, довосхищаешься девушкой в белом! Мало тебе грядущих проблем с Вероникой? Ты еще вплетаешь в свою жизнь и Люську?

– Да с чего ты взял? Она уехала и делу конец!

– А номер телефона тебе оставила? Просто так она бы этого не сделала – значит ты ее чем-то заинтриговал?

– Понравился, наверное.

– Ты имеешь ввиду себя? Это вряд ли...

Вдруг он остановился.

– Я думаю, главным интересующим ее объектом была твоя Фата Моргана и прилегающая к ней территория.

Я пожал плечами:

– Ну и что?.. Вполне объяснимый профессиональный интерес. Она, ведь, туроператором работает. Может, возникла мысль использовать мое побережье как один из пунктов посещения туристами. Я не против. Пусть.

– Твое побережье!..Ну-ну. Тогда открой тут для них постоянный двор, этакий караван-сарай в восточном вкусе. Включись в туристический бизнес.

– Почему бы и нет? Прекрасная мысль, между прочим! Будешь моим компаньоном, как автор идеи!

Дурак этот Андрей Мордвин! Упрекает меня, что я вплетаю в свою жизнь Арсиною, которая была просто фантомом, игрою воображения, и сам же предлагает реальные шаги для установления деловых связей с Людмилой Павловной Яструб, туроператором из Санкт-Петербурга.

Я даже заволновался от заигравших в голове мыслей про возможные перспективы!

– Пойдем, повторим?!

– Затрепетал аж весь! А еще отрицаешь свой неподдельный интерес. Стреляного воробья на мякине не проведешь!

Уже на подходе к костру, он опять меня остановил, удерживая за локоть.

– Всё-таки будь поосторожнее! Есть у меня подозрение, что неслучайно она здесь появилась.

– Предполагаешь, злой умысел?

– У нее нет. Но она доверчивая – ее могут использовать. А кто – можешь догадаться сам!

Мы выпили и закусили вареными окуньками первого заклада, выложенными Пафнутием из ухи на лист лопуха для Ральфа.

– Уха будет скоро готова! – объявил Пафнутий, выпив последним. – Пора Веронику звать. Я не могу – варево надо блюсти.

– Андрей, сходи ты! За одним и привезённую литературу ей отдашь.

Зная о мистическом умении Вероники читать мои мысли и тут же на них реагировать, я опасался появляться ей в данную минуту на глаза, особенно тет-а-тет, когда у нее появлялась возможность фокусировать на мне свой взгляд, прожигая им насквозь.

– А если она сейчас в неглиже? – отплевываясь от окуневых косточек, отвечал Андрей. – Неудобно как-то.

Вот сукин сын! Напомнить бы ему как совсем недавно подобно пьяной революционной матросне они пытались толпой вторгнуться в ее единственную сокровенную комнату... Впрочем, кто старое помянет, тому глаз вон. Без Андрея всё могло обернуться ещё хуже.

– Какое неглиже? Посмотри, где солнце! Она уже давно с птенцами возится.

– А ты не боишься, что я уведу её у тебя?

– Как лошадь из стойла? Тебе некуда ее уводить. Всё равно обратно приведешь!

– Да. Что верно то верно... А всё ж таки – не расслабляйся. Держи ухо остро, а порох сухим. Я Кекса недавно видел: копытом бьет... из ноздрей дым валит как из трубы... глаза красные!

– Пьяный, поди, был.

– Само собой. Но у пьяного на языке, сам знаешь, что...

– И что у него было на языке?

– Визит хочет к вам нанести. Дружественный. Но, возможно, с боем!

– Это он погорячился... Без подрастающей поросли головорезов вряд ли он на это решится! А они уже не пойдут.

– Там другие ребята появились – из их охранной системы...

– Давай, потом поговорим, – прервал я его, понимая что такой разговор надо вести более серьезно и вдумчиво. – Иди за Вероникой – уха остынет!

Когда Андрей ушел, я обратился к Пафнутию:

– Петр Федорович! Ты б не мог развить и продолжить размышления вслух моего приятеля Андрея Мордвина?

– А что тут продолжать? – снимая котелок с костра, сказал Пафнутий. – Бандиты они и есть бандиты. От них всего можно ожидать.

– Такие уж и бандиты? Просто весёлые ребята... с озорным настроением.

После знакомства с Арсиной, мне хотелось как-то оправдать ее родственников и попытаться увидеть их другими глазами.

Однако Пафнутий был неумолим.

– Так это и есть бандиты. Только одни это могут маскировать, как Гриша с папой и мамой, а у других это наружу, как у Кекса...

Из ворот Фаты Морганы выскочил Ральф, а за ним следом появилась Андрей и Вероника. Последняя была в неизвестном мне коротеньком белом платье, подчеркивавшем бронзовую стройность ее тела. Андрей оживленно говорил ей что-то и даже, походя, сорвал и вручил какой-то цветочек. Если бы это сделал я, она, наверняка, только бы иронично усмехнулась, не скрывая свое пренебрежение к любым проявлениям романтизма.

– Смотри, – перехватив мой взгляд, сказал с сочувствием Пафнутий. – Андрюха парень хороший, но ушлый до девок.

– Смотри не смотри, а чему быть, того не миновать, – с деланным равнодушием отвечал я.

Пафнутий только покачал головой, осуждая моё смирение.

Веронике уха была налита в отдельную миску. Мы же, допив остатки водки, хлебали юшку прямо из котелка, поставленного на березовый пенек.

– Стерлядочку бы сюда либо кастрючка, – напрашиваясь на похвалу и дуя на содержимое большой деревянной ложки, до этого использовавшуюся им в качестве поварешки, говорил старик, преисполненный чувством домовитости и хлебосольства.

– Итак здоровски! – отвечали мы, мыча от удовольствия. – А ты что, раньше на Оби обитал – про кастрючков вспомнил?!

– На Волге, там где в нее Ока впадает. Может слышали – город Горький?

– Как не слышать – про него все знают. Нижний Новгород, спасший Россию от поляков.

– Во-во! Только я всё ж родился и вырос именно в Горьком, – как бы в подтверждение сказанному, он горько усмехнулся и продолжил. – Может от того и судьба у меня такая горькая сложилась.

От Андрея я знал, что и Пафнутий в молодые годы отбыл свое, отрубив руку у отчима, избивавшего мать. А после этого мотался по городам и весям великой страны, пока на старости лет не оказался здесь.

– Был я там в командировке! – вспомнилось мне. – Берег там с набережной такой высокий... как наш холм. Только вот не зафиксировал в памяти – над Окой или Волгой?

– Если там, где памятник Чкалову, значит над Волгой, – улыбнулся старик.

Я сразу сообразил, почему захмелевший Пафнутий обратил внимание именно на эту достопримечательность. На нее указывали гостям города старожилы, непременно сопровождая ожидаемое впечатление озорными комментариями. Но я воспринял памятник так, как замыслил его скульптор – великий романтик неба снимает после полета перчатку, а вовсе не показывает своим созерцателям непристойный жест.

Однако, зная, что Вероника не любит отвлечённых разговоров, я решил перевести нашу беседу в деловое русло и обратился к своему грезящему о чём-то наяву товарищу с конкретным вопросом:

– Андрей, а ты случайно не знаешь дорогу на Солнечную Поляну?

– Если ты имеешь ввиду деревню с одноименным названием, то я знаю миллион разных дорог и путей к ней. Солнечная Поляна находится примерно на одинаковом расстоянии от твоего хутора и от нашего поселка – километров 8—9 по прямой. Проведите воображаемую линию между тремя населенными пунктами и получится равносторонний треугольник... – солидно и важно ответил он, дохлёбывая уху.

– Но! – тут Андрей поднял вверх многозначительно палец. – Между нашим поселком и Солнечной лежит огромная болотистая низина, поэтому на машине туда можно добраться только вкруговую: либо с левой стороны, дважды пересекая железную дорогу, либо справа через вашу дамбу и дальше по твоему возвышенному плато.

Большинство людей предпочитает первый вариант – по цивилизной асфальтированной дороге, но мне интереснее второй – как нестареющему юному натуралисту. Здесь можно увидеть целое стадо мигрирующих косуль или рогатого лося, глубококомысленно выглядывающего из соснового островка.

– Красиво излагаешь! Тебе бы лекции читать через общество «Знание». А не знаешь ли ты...

– Знаю! Там находится большая пасека в 500 ульев – тебя ведь это интересует?

Я кивнул. Молодец Андрей Мордвин – всё понимает с полуслова!

– А эта пасека функционирует или существует только в воспоминаниях?

– Функционирует. Только у нее сейчас новый хозяин. Тамошний совхоз продал ее частному лицу, а именно – несостоявшемуся свекору нашей красавицы. – Андрей кивнул в сторону Вероники. – Но сам он там почти не появляется. Пасеку контролирует его отпрыск, небезызвестный пан атаман Грициан Бухаловский, время от времени наезжающий туда с двумя молодцами, вооруженными битами.

– На мотоцикле с разбитой фарой? – проявил свою осведомлённость я.

– Почему на мотоцикле? – искренне удивился мой всёзнающий товарищ. – Мотоцикл он давно подарил своим нукерам самого нижнего ранга – за верную и беззаветную службу. А сам давно ездит со своими держимордами на черном джипе с интригующим названием «Чероки».

Раздухорившись от наваристой ухи, крепкой водки и блистательного спича, Андрей вдруг выдал непростительную глупость, обратившись к Веронике:

– Поторопилась ты, Вероника! Отказалась от такого красавца-жениха, богатого наследника и хозяина близлежащих окрестностей!

Сказал он это в шутку и все это поняли, кроме гордой девушки. Лицо ее покрылось красными пятнами, проступившими сквозь бронзовый загар.

Она резко встала, сбросив недоеденную рыбу вместе с миской под ноги и стремительно пошла к дому, не выбирая дороги. Я смотрел ей вслед, любуясь стройными и сильными ногами, со свистом рассекавшими еще не просохшую от утренней росы подростную траву, представляя, как бы они смотрелись, если их обуть в длинные шнуровые калоши мифической амазонки.

– Она похожа на Артемиду! – тихо прошептал я. Но Андрей услышал и рассердился:

– Причем тут Артемида?! Ты видишь – она обиделась!.. Пойди, Вероника! Ну что ты как маленькая?!

Он хотел ринуться за ней, чтобы вернуть, но я успел схватить его за руку:

– Да не дергайся ты! Ничего ужасного ты не сказал. Это ее обычный бзик – знаешь ведь какой у нее характер!

А сам не без злорадства подумал: «Так тебе и надо! Не будешь под чужих девушек клинья бить – цветочки им преподносить!»

– Надо бы с ней всё таки объясниться! – продолжал расстраиваться Андрей.

Мне стало жалко растерявшегося приятеля, но я всё-таки решительно его тормознул:

– Не надо! Она не любит, когда размазывают сопли по скатерти.

– Да! Она этого не любит... – вторил мне Пафнутий, и я вдруг почувствовал, что ему очень важно, чтобы наши отношения с Вероникой развивались, а не разрушались.

Глава 6. Первая вылазка

– Дружище, давай вернемся к нашим баранам! – обратился я к Андрею. Пора было переводить его настроение на другие рельсы.

– К каким еще баранам? – непонимающе поднял он на меня глаза.

– К пчелам!

Когда меня захватывает новая затея, сопряженная с определенным риском и приключениями, я становлюсь неудержимо азартным.

– У меня к тебе убедительная просьба: не мог бы ты помочь нам, безлошадным крестьянам, перевезти некоторый груз в сторону Солнечной Поляны?

Андрей пару раз затыкнулся, выдерживая паузу, прежде чем ответить.

– А могу ли я, до того как дать согласие, узнать что за характер груза? – подыгрывая мне, поинтересовался он. Характер у него был легкий, и полученное недавно расстройство от взбрыкнувшей Вероники заметно проходило.

– Груз не тяжелый, но довольно объемный – ловушки для пчел! You understand me?

– Андэстэнд... андэстэнд... Только я ишо андэстэнд, что эта авантюра может обернуться для вас большими неприятностями, а заодно и для меня, как помогающей стороне!

– Почему авантюра? – деланно удивился я. – Мы же не собираемся выковыривать пчел из пасечных ульев. Мы просто хотим прибрать тех пчел, которые безвозвратно улетают. Обыкновенное дело – в этом нет ничего криминального!

– Так-то оно так. Конечно, всё было бы просто, если бы пасека оставалась совхозной. Но у нее сейчас новые хозяева другого образца. Этим волкам может не понравиться любая, самая невинная попытка взять то, что являлось их собственностью.

И потом, они готовы на инстинктивном уровне загрызть каждого, в ком увидят возможного соперника! А ведь ты можешь составить им конкуренцию: у тебя шикарные условия, чтобы развести отличную пасеку. Кругом сплошные медоносы, разнообразная флора, цветущая от ранней весны до поздней осени!

– Какой к черту конкурент? У них полтыщи ульев, а мне надо всего ничего для собственного потребления!

– Это ты сейчас так говоришь. А пойдут дела, можешь войти во вкус и будешь умножать свое пчеловодство до бесконечности.

Образованный и временами очень умный Андрей был, конечно, прав. Аппетит приходит во время еды. Но присутствовало в этой правде что-то неприятное, вроде унижительной философии крепостного крестьянина, который боится произвола господ.

– Одним словом, ты идешь в отказ?

– С чего ты взял? Я просто предупреждаю, чтобы был предельно осторожен и готов к опасному повороту событий.

– Так едем или нет? Козак ты или не козак?

– Конечно, едем! Только загружайся сам: в багажник и на заднее сидение. А рыболовные снасти пусть пока останутся здесь, раз в вашем озере такие рыбины водятся.

Счастливым от того, что удалось так легко сподвигнуть Андрея к нужной мне до зарезу затее, я хотел было пошутить на радостной волне, а не боится ли он, что Вероника переломает в сердцах его стильные удочки, а жена дома еще кое-что доломает. Но благоразумно сдержался, чтобы не обострять ситуацию, да и великодушные победителя не позволяло обижать побежденного.

Забрав посуду и котелок, мы с Пафнутием отправились к дому. Андрей пока что остался на берегу. Видимо, хотелось немного пострадать в одиночестве.

– Любит он ее! – сказал вдруг Пафнутий, когда мы удалились на приличное расстояние. – Любит!

– Но-о! Ты же сам говорил, что он просто ходок? И потом у него двое детей – мальчик и еще мальчик.

– Ну и что? Сердцу не прикажешь.

Я не стал говорить, где у него сердце. У меня еще не стерлось из памяти вторжение в гостиницу. В то же время, я понимал, что присутствие Андрея тогда способствовало разрядке напряженности, хоть и временной.

Ловушек была целая дюжина. Она досталась мне от городского приятеля, который всю жизнь собирался переехать жить в сельскую местность, но так и не собрался. Неожиданная болезнь скрутила и сожрала его буквально за три месяца.

Вместе с ловушками он завещал мне целую коробку нераспакованной вошины и разные пчеловодческие инструменты, любовно приобретаемые им на протяжении нескольких лет. Всё это мне передала его вдова, де факто не жившая с ним уже несколько лет, перебравшись к более успешному мужчине.

Квартира досталась ей, и она очень спешила избавиться от всякого ненужного с ее точки зрения хлама.

Каждая ловушка, изготовленная из добротной фанеры, была рассчитана на шесть рамок, но вошину я закрепил только на четыре в каждой. Оставшиеся места я заполнил освобожденными от меда сотами, которыми со мной поделился сочувствующий мне добрый ветеринар. Он же посоветовал обтереть внутренности ловушек листьями Melissa.

От себя мы тоже привнесли некоторые усовершенствования: обклеили снаружи березовой корой и корой осины большую часть ловушек в целях маскировки и для утепления.

Багажник «Москвича» как место для транспортировки я сразу отверг – там явственно припахивало когда-то разлитым бензином, что категорически нежелательно для тонко чувствующих пчел. Внутри салона поместились только обклеенные корой ловушки. «Стало быть, так нужно богу!» – сказал Пафнутий.

Пришла пора ехать. Пафнутий отправился за водителем, а я к Веронике – попрощаться. «И каждый раз на век прощайтесь, когда уходите на миг!» Интересно, могу ли я назвать Веронику любимой?

Она сидела на лужайке перед вынесенной из птичника клеткой, в которую для солнечного облучения были пересажены бойкие цыплята. Рядом по зеленой травке гуляли желтые пушистые гусята.

Я положил ей руку на голое горячее плечо, испытывая реакцию. Реакция оказалась положительной. Она потерлась щекой о мою руку. Я молча поцеловал ее в доступное ушко и пошел, оставив объяснения на Пафнутия.

Нельзя было рассусоливаться на нежности, да и влекущее тело Вероники отвлекало от делового, почти боевого настроения. Вылазка могла оказаться рискованной, поэтому я решил взять с собой известную палку бо. Кроме того, она предполагалась и как коромысло для ловушек, оснащенных для более удобной транспортировки петлями.

Андрей ждал в кабине. Пафнутий сунул мне напоследок моток шпагата и складной ножик. Чтобы я делал без него? Придумывал бы потом всякие хитроумные способы закрепления ловушек и истратил бы на это массу времени, нервов и сил!

Машина сначала спустилась к дамбе, потом поехала направо по заросшей грунтовке в направлении живописной возвышенности, по крутому склону которой поднималась желтая супесная дорога. С левой стороны от нас вилась речка Светлая, поросшая тростником и рогозом, а справа висели глинистые обрывы, перемежающиеся с пологими склонами холмов и сильно заросшими лощинами.

– Смотри! – тыркнул меня в бок Андрей. Справа, с заячьей скоростью от нас резво помчался буровато-рыжий зверек. Я не сразу понял, что это сурок.

– Какой он стройный! Под зайца косит!

– Ну так ведь весна – жиры за зимнюю спячку сгорели!

– Уже лето наступило – какая весна?!

– Для них ещё весна. Они поздно начинают пастись.

– Всё равно, худоватый. Травы-то полно!

– На одной траве шибко не растолстеешь. Злаки нужны и разные плоды.

Бугор, к которому бежал вспугнутый байбак, был испещрен норками, у которых столбиками торчали его собратья, с детским любопытством наблюдавшие за нашей машиной.

– Какие они доверчивые! Дурики.

– Да... Они такие... – с непонятной грустью сказал Андрей. Немного помолчав, продолжил. – Я имел подлость убить как-то одного молодого глупого сурка. Дело было в августе. Взял как обычно путевку на болотную дичь, а сам отправился в заветные утиные места. Сам знаешь, я не толстовский помещик Левин, чтобы выпендриваться с бекасами, а потому стрелял исподтишка полновесных зерновых крякашей.

Однако в этот день не повезло. Когда я пришел на свои места, там уже паслись егеря с какими-то солидными дядьками. Видимо, предполагалось устроить сафари для власть предержащих.

Пришлось в дикой досаде потихоньку ретироваться. Уже на подходе к деревне слышу свистит кто-то, да так красиво!

Поискал глазами – вижу стоит на бугре молодой байбак – как тенор на сцене, вытянулся столбиком и лапки к груди прижал, будто Ленский, когда поёт: «Я люблю вас, я люблю вас Ольга!»

Мне бы, дураку, полюбоваться им, отдать дань мастерству, да и топтать дальше своей дорогой!

Так ведь нет! Взыграл охотничий инстинкт, умноженный на досаду от сорванной утиной охоты. Поднял я оружие и убил Ленского!

Подошел к нему, а он ножками ещё скребётся, умирающий. Из последних сил надеется в норке своей спастись...

Андрей замолчал, вытряхнул из пачки сигарету и достал её губами. Я помог ему прикурить.

– И что дальше? – спросил я, потрясенный этой маленькой трагедией.

– Дальше? Дальше закурил я как сейчас, подождал когда закончится агония, взял трупик, засунул его в пакет, а потом в рюкзак да и домой!

Дома накатил полстакана, потом очень долго и муторно снимал шкурку. Это тебе не кролик или заяц. Хоть и маленький, а шкурка крепко сидит – жирная, вонючая!

Я потом замучился ее обезжиривать: скребешь, скребешь, а жир всё равно из неё выступает. А бросать жалко – вроде как совесть мучает перед тенором и перед богом. Зачем убил?

Мясо никто из домашних есть не захотел – противное всем показалось. Отдал собакам. Так коккер даже подходить не стал, на расстоянии почувствовал отвращение. А дворový только пожулькал, пожулькал да и в землю зарыл. Потом, после ферментизации, конечно, съел...

– А вот я читал хорошую книгу, перевод с тувинского – «Повесть о светлом мальчике». Матушка баловала меня такими книжными покупками, доступными простым людям.

Так там юные пастухи-батраки разрывали норы тарбаганов и, счастливые, пировали!

– Ну не знаю! Возможно, тарбаганы вкуснее байбаков. А вернее всего, дело всё в голоде. И у нас, рассказывают, во время войны сурков ели за милую душу!

Между тем, поднявшись с большим напрягом на «плато Путоран», мы давно уже плыли по безбрежному зеленому морю. Кругом расстилалась равнина с небольшими колками леса. Пашен не было видно – сплошные луга с довольно высокой травой. Просто прерия какая-то!

– Какие же тут медоносы?! – с досадой воскликнул я. – Сплошная зеленая масса – пырей да бурьян! В этих пампасах аргентинских буйволов надо разводить, а не пчел!

– Ни черта ты не понимаешь! Во-первых, буйволов разводят там, где всегда тепло и есть вода, в которую они любят залезать в жару, а в сухих и прохладных аргентинских степях разводят таких же коров и быков, как и у нас. Во-вторых, через пару недель эта прерия вспыхнет миллионами цветов, которые будут дышать по вечерам густым медвяным ароматом! Голова закружится!

Вот запел! Представляет, поди, как бы гулял с моей Вероникой по безбрежному морю цветов! Впрочем, пусть помечтает. Его вдохновенность возвращала и усиливала мой интерес к ней, несколько приглушенный появлением Арсиной.

Чувствуя непонятное удовольствие, я продолжал скептически вредничать, провоцируя Андрея:

– Что-то не верится! Кроме пырея – ничего не вижу.

– Не верится?! Пырей по обочине растет, а дальше сплошное разнотравье! А еще дальше будут отдельными массивами и донник, и дягиль, и дудник, и душица!

– Почему-то всё у тебя на букву «Д»! Нельзя ли придумать что-нибудь на другую букву?

– Можно! Но только я не придумываю. Будет и кипрей, и разные там люцерны и клевера!

– А всё-таки ты соврал! Душица не растет массивами, она на лесных полянах цветёт, а не в степи.

– В деталях, я, возможно, и ошибился. Но в целом, сказал правду. Сам увидишь – время подтвердит! Будут у твоих пчел отличные взятки.

– Ты так говоришь, будто у меня большая пасека. На три-четыре улья, поди, наберут.

– А ты мечтай о большем – так интереснее жить!

На самом деле я мечтал о гораздо большем – о собственном конном заводе. Но озвучивать в пространство свою наполеоновскую мечту стеснялся.

– А волки здесь не появляются?

– Волки? Уже появились!

Андрей выехал на поросшую травой обочину и остановился.

Я посмотрел вперед: навстречу нам двигался черный внедорожник.

– Ты сиди. Не выходи. И молчи. Я сам буду балакать, а ты не лезь со своими мыслями и чувствами.

Он вышел из машины и закурил. Джип остановился рядом. Из него вышли трое. Я догадался кто: два шкафа и он, в черных очках.

– Здорово, Мордвин!

– Хау ду ю ду, Григорий!

Они сделали шейк-хэнд. Шкафы стояли в стороне.

– Какой-такой бубновый интерес привел тебя сюда, Андрей Владимирович?

– Известно какой, Григорий Павлович! Неистребимая и бескорыстная любовь к живой природе, к её красотам!

– А так ли уж бескорыстна твоя любовь к живой природе, Андрей Владимирович? Ужели только её красоты тебя привлекают?

– Корысть моя до такой степени ничтожна, Григорий Павлович, что и говорить о ней смешно. Так, отколупнешь от нее кусочек какой-нибудь, малую толику, да и всё!

– А можно ли глянуть, что эта за толика такая? Что она из себя представляет?

Гриня, сняв очки, сунул лицо в водительское окошко. Скользнув по мне беглым взглядом, он сосредоточился на рассматривании содержимого заднего сидения.

У меня было время разглядеть его. Только глаза светло-чайного цвета с черными точками зрачков напоминали о ястребиной сущности Григория. В остальном лицо было вполне добропорядочно-джентльменским с приятными правильными чертами. Пепельно-блондинистые волосы показались мне как бы искусственными – будто у куклы. И сам он был похож на манекен – такой же складный и красивый, без видимых внешних изъянов.

Я представил его рядом с сестрой, незабвенной Арсиной, и воображение сразу нарисовало классически-гармоничный тандем танцоров балета.

По выражению лица Григория я понял, что он не догадался о хитроумном характере нашего груза.

– Корьё какое-то! Зачем оно тебе?

– Как зачем? А рыбу коптить? А сало коптить?

– Ну это осиновой корой! Но там у тебя ещё и берёзовая. Туески что-ли собрался мастерить?

– На туески мне способностей не хватит. А вот дёготь выгнать сумею!

– Это как?

– Очень просто! Закрываешь бересту в металлическую емкость, которая не плавится. Ну хоть в пустую банку из-под кофе, главное, чтобы герметично, и в горячую золу с углями, как картошку для запекания.

Когда зола остынет, банку выкатываешь, крышечку аккуратно снимаешь, а выплавленную жидкость в другую чистую посуду переливаешь. Вот и вся технология!

– Действительно, просто. А я думал дёготь на каких-нибудь фармацевтических фабриках изготавливают со сложной технологией.

– Может изготавливают. Я тебе про крестьянскую практику изложил. Раньше ведь без дёгтя никуда.

– Это раньше. А тебе-то он зачем? Торгуешь им что ли? Или сапоги с колесами смазываешь?

– Понимаю язвительную шутку юмора, но не обижаюсь, будучи патологически мудрым. Объясняю для несведущих! Дёготь простое и эффективное средство для избавления наших любимых домашних животных, как-то собак, кошек или ещё кого от такой заразы, как стригущий лишай. Достаточно пару раз смазать поражённое место, и негодяи-паразиты поголовно вымирают, а обстриженная ими территория кожи вновь обрастает шерстью, мягкой и шелковистой.

– Красиво излагаешь! Из тебя хороший рекламный агент бы получился.

Гриня опять подошел к нашей машине, облокотился на неё и заиграл длинными музыкальными пальцами по крыше салона, чуть ли не у меня над головой.

– А в багажнике у вас тоже корьё?

Меня его бесцеремонная дотошность и демонстративное пренебрежение к человеку, скромно сидящему внутри скромного автомобиля, стала раздражать. Я почувствовал как внутри моего тела начинает просыпаться подводный вулкан и увеличивается давление.

Чтобы не лопнуть и не взорваться вместе с машиной, я вылез из неё, прихватив с собой палку бо. На всякий пожарный случай. С ней я чувствовал себя комфортнее.

Взоры всех, встревоженно-удивлённые, устремились на меня.

Интересно, подумал я, как бы повели себя шкафы, если бы я сейчас сделал шуточный выпад боевым шестом в их сторону? Бросились бы на меня или кинулись к джипу за своими бейсбольными битами?

Я широко улыбнулся от этой забавной мысли и они расслабились, посчитав, видимо, мою невольную гримасу за дружественное дежурное приветствие американского пошиба.

Зажав палку бо под мышкой, я отошел в сторону, чтобы снять возникшее напряжение и отлить лишнее, снизив тем самым внутреннее давление.

– А это что за экземпляр? Где ты его нарыл? – уловил мой тонкий охотничий слух голос Григория, пока я сосредотачивался в высокой траве.

– Это мой товарищ! – кратко и весомо ответил Андрей.

Во мне опять забурило и вынесло на поверхность вопрос – а не надавать ли Григорию с сотоварищи толстой палкой по бокам?

– Это не тот самый?..

– Тот самый! – прервал любознательного Григория Андрей, опасавшийся, что я услышу окончание вопроса и вспыхнет неминуемый конфликт.

– Едем! – вдруг решительно сказал Гриня и, не прощаясь, повернул к своей машине. В тот момент я самонадеянно подумал, что он испугался общения со мной, поэтому так спешно ретировался.

Андрей тоже удивился, пожав плечами:

– Странно... Неужели он испугался твоего коромысла?

Несколько озадаченные, мы тронулись дальше. Не доезжая до пасеки километра полтора, как утверждал Андрей, мы остановились. По его понятиям ближе ехать не было смысла, так как роевые пчелы предпочитают селиться подальше от корневой семьи. Я не стал спорить, будучи дилетантом и думая про себя, что он просто боится охранников пасеки.

Однако зная его торопливую суетность, когда действие опережает мысль, я не доверил ему такое тонкое дело, как изыскание конкретных мест для конкретных ловушек. Он остался у машины, а я подвешивая по паре ловушек на свой универсальный боевой шест, отправлялся укреплять их в подходящих местах.

И лишь привязывая шестую ловушку к березе и чуть не сорвавшись от подломленной сухой ветки и скользя по шершавому стволу вниз, безуспешно пытаясь затормозить движение руками, влажными от появившейся крови на ободранных ладонях, я вспомнил, наконец, о Веронике.

Никогда она не занимала мои мысли, если не была на виду – рядом или в поле видимости. Я о ней просто забывал! Она была мне интересна, когда я мог её есть глазами, трогать руками или чуют носом березовый запах её тела.

Вот и сейчас о ней мне напомнил запах смятых березовых листьев, которые попали мне в руку в судорожных попытках удержаться на дереве.

Мысль развивалась дальше и становилась всё острее, пока не пронзила меня насквозь – Гриня торопился к Веронике! Прочувствовав ситуацию, он с ястребиной стремительностью и родовой целеустремленностью полетел к своей, как ему казалось, легко достижимой жертве, оставшейся без прикрытия.

Пафнутия он не брал в расчет, не зная какая с ним произошла эволюция.

Андрей лежал на изумрудной траве неподалеку от автомобиля, широко раскинув руки по сторонам подобно знаменитому тезке по фамилии Болконский – вперив глубокомысленный взор в бесконечно высокое небо с плывущими ватными облаками.

Эта безмятежная картина успокоила меня. Наверное, я просто неврастеник.

Я присел на траву рядом с ним и тихонько запел, соперживая Андрею и чтобы самому окончательно успокоиться:

Дивлюсь я на небо тай думку гадаю,
Чому я не сокил, чому не летаю
Чому мени, боже ти крилець не дав?
Я б землю покинув и в небо злитав!

Андрей медленно перевел взгляд на меня, но ничего не сказал.

Скотина, подумал я, весь погружен в мечты о моей Веронике – как будто так и надо!

Тогда, чтобы вывести его из этого становившегося мне неприятным состояния, я задал вопрос, близкий моему и его мироощущению:

– Скажи мне, Андрей, как юный натуралист юному натуралисту: кто сильнее – сокол чи ястреб?

– Смотря какой сокол и смотря какой ястреб! – мгновенно, не раздумывая ответил он.

– Ну какой ястреб? Тетеревятник, конечно!

– Если в небе столкнутся – сапсан или кречет наверняка его собьют, насчет балобана не уверен.

Немного подумав, добавил.

– Вообще, ястребы очень сильные и хваткие. Лапы у них, возможно, и посильнее чем у соколов. Своё не упустят. И характер коварный.

Последнее его размышление вновь вернуло меня на тревожные мысли. Не в силах терпеть их больше, я встал на ноги.

– Вставай! Едем! Ты будешь кречетом, а я сапсаном!

– Ты это к чóму?

– К тóму? Лежишь и мечтаешь о чужих женщинах, а там ястреб с двумя стервятниками нашу тетерку осаждают! Пафнутию-балобану трудно будет одному отбиться!

В мой эзопов язык Андрей врубился сходу и грубо сматерился, разрушив созданную мною поэтику.

– Так какого ты чёрта развел такую долгую прелюдию?! Увертюру к балету «Лебединое озеро!»

– Потому что я и сам ещё не уверился в своих предположениях... Ты и вовсе лежал и витал в облаках!

Оставшиеся две ловушки я закинул в глухую крапиву, рассчитывая завтра приехать на велосипеде и без волнительной суеты установить их.

– Ты бы хоть бандану свою на дерево повязал – потеряешь ведь ловушки!

– Не потеряю! Я как зверь чую и запоминаю спрятанное в траве добро.

Андрей газанул и мы полетели аки сокилы на смертельную битву с коварным ястребом и его спутниками-падальщиками.

Поучаствовать в битве нам не пришлось. Балобан Пафнутий справился и без нас, отогнав атаку хищников с помощью старой ижевки-одностволки, у которой был сломан боёк. Почти с самого начала моего заселения она стояла за книжным шкафом в ожидании когда я её, наконец, выправлю, но у меня всё руки не доходили.

И слава богу, что не доходили! В противном случае, она оказалась бы в сейфе и стала недоступной для Пафнутия.

– А где Вероника?!

– Закрылась в комнате и плачет, – сказал Пафнутий, осуждающе глядя на меня. – Она Григорию очки разбила...

Чувствовалось что он ещё что-то хочет сказать, но не договаривает.

А я стоял и думал – радоваться или нет? То, что очки разбила подлецу – однозначно хорошо! Но вот то, что закрылась и плачет – наверное, плохо.

– Андрей, ты ведь очень умный! Скажи, отчего женщины так сильно любят разных подлецов?

– Потому что они без комплексов и более добычливые! – не задумываясь ответил Андрей.

А я задумался, переваривая сказанное им и внимательно рассматривая товарища. Такое определение, лихо сформулированное им, вполне подходило и для него, и, возможно, для меня!

– Она не потому плачет, что вы думаете! – вмешался геройский Пафнутий. – Она плачет, поверив Григорию, что вы сами отправили его сюда, чтобы он забрал её и Ральфа обратно в обмен на пчелосемьи!

– Вот гад!.. И ты тоже поверил этому?

– Нет, конечно, – смущенно ответил Пафнутий, но само смущение его свидетельствовало об обратном. Видимо, битый жизнью и переживший на своём веку всякое, он допускал и такое предательство. Он хотел закурить сигарету, но тут же выбросил её в траву, прорвав нечаянно оболочку, когда разминал её. – А вот Ральфа они забрали. Он бегал свободно и кинулся к Грине ласкаться. А тот, не будь дураком, сразу запихал его в машину!

Упрекать старика, что он позволил забрать полюбившегося нам пса, язык не поворачивался. Он и так сделал много! А вот мы, действительно, дураки и подлецы!

До позднего вечера Вероника не выходила из спальни и никого не впускала.

Я поскребся в дверь и негодуя прокричал, что Гриня сволочь и враль, и что рано или поздно я его настигну и сделаю из него палкой бо отбивную котлету!

Дверь не открылась, но рыдания прекратились.

Андрей тоже подошел к двери и робко постучавшись, попросил прощения за неразумно сказанные давеча слова. Вероника не ответила.

Тогда Андрей попросился с ней, а затем и с нами, и, прихватив пойманного утром карпа, уехал домой, пообещав проследить за ситуацией и своевременно нам помогать.

Я же остался думать, как мне ловчее застичнуть Григория одного и выудить обратно Ральфа, но ничего путного не придумал.

Остаток дня мы с Пафнутием пробездельничали у костра, над которым висел котелок с варившейся перловкой. Не знаю, сознательно или бессознательно, но мне захотелось именно этой, известной своей калорийностью, ячменной каши, которой кормили гладиаторов Древнего Рима.

Чтобы каша была вкусней и усвояемей, её надо варить очень долго на медленном огне, пока шрапнель не превратится в размазню.

Пока каша варилась, мой собеседник рассказал всё, что знал о прошлом Вероники.

Сам я её никогда ни о чём не спрашивал и даже не знал фамилии.

А фамилия оказалась интересная, будто у какой-то галицийской княжны – Ямпольская-Гирич!

Когда на завершающем этапе приготовления каши мы открывали банку с тушенкой, из ворот вышла Вероника. Вопреки нашим ожиданиям она направилась не к костру, а вниз, к озеру. На плече у неё, как я понял, было большое свернутое полотенце.

– Иди к ней! – сказал Пафнутий. – Ты сейчас там нужнее. Кашу я и без тебя доварю.

– Боишься, что утопится?

– Кто её знает? Всяко бывает. А коли обнимешь, оно и лучше будет!

– Кому лучше? А ну как даст разá, так и вытарацишь глаза!.. Поди, думает, что мы её подставили.

– Иди, не бойся! Она тебя любит.

– Это она сама тебе сказала?

– То ли у меня глаз нет! А вот ты её не любишь, всё время о чём-то другом думаешь.

– Я её тоже люблю. Только по своим понятиям и в меру своих возможностей.

– Это как?

– Не буду объяснять. Это деликатная тема.

– Ну иди, коли так! Только поделикатней будь и поласковей!

Поласковей! С Вероникой, как с пантерой – не знаешь, понравится ли ей моя ласка или вызовет ответную агрессию!

Когда я подошел к месту купания, Вероника уже выходила из озера, облитая лунным светом и сверкая перламутровыми каплями воды.

Я обернул её плечи большим махровым полотенцем и прижал к себе, прохладную и чистую.

Тело её напряглось... и расслабилось лишь после того, как я дал утвердительный ответ на её вопрос: правду ли я сказал, когда стоял у двери?

Ночь мы провели вместе, обнявшись нежно и непорочно. Правда, нежность была условной: Вероника держала меня будто в тисках: стоило мне пошевелиться, как она усиливала давление.

Глава 7. Вылазка 2

Наутро Вероника потребовала, чтобы я дал ей честное и благородное слово, что не буду по собственной инициативе ввязываться в конфликт с Григорием и его бандой. Слово я дал, хотя и не сомневался, что столкновение рано или поздно произойдёт

– А как же Ральф? – спросил я, прежде чем сесть на велосипед.

– Пусть будет с ними. Они его тоже любят. И кормят хорошо.

– А мы плохо?!

– Хорошо, но они ещё лучше! – беспощадно ответила честная Вероника. – У них возможностей больше.

– И у нас будут. Не всё сразу!

– Надо завести другую собаку! – поддержал Веронику Пафнутий. – Более строгую.

– Ладно! – согласился я, сам понимая, что мне, как охотнику, нужна собака более универсального типа – лайка или дратхаар. Но для сельской местности, где собаку можно держать на улице, лайка, однозначно предпочтительней. Немецкие дратхаары, у которых отсутствует необходимый тёплый подшерсток, чувствуют себя на сибирском морозе комфортно только во время движения.

Я выехал из ворот и покатил на велосипеде по уже известному маршруту к месту расположения наших ловушек.

Нашёл их быстро – видимо, благодаря выработавшемуся звериному чутью.

Отяжелевшие и потемневшие от утренней росы, покрытые осиновой корой, они не вписывались в берёзовый ландшафт. Надо было искать другое место, поросшее осиной или подобной ей древесной растительностью.

Ловушки с петлями я надел на концы моей многофункциональной палки бо, в свою очередь прикрепленную к раме велосипеда. Теперь одна из ловушек болталась впереди рулевого колеса, а другая сзади, за багажником.

Стараясь твёрже держать руль, чтобы сохранять равновесие, что было непросто с раскачивавшимся грузом, я направил велосипед вперед, в сторону вражеского урочища. Ехать пришлось недолго. Буквально через метров пятьсот в открывшейся моему взору долине засинились одинаковыми стандартными ульями системы Дадан владения Яструбов. Однако все деревья, растущие на прилегающей к пасеке местности, были берёзами.

Надо было изыскивать другое место. Согласно приобретенному опыту, я спрятал велосипед в массиве глухой крапивы, предварительно отвязав палку бо от него и водрузив шест с ловушками на правое плечо. Наверное, я стал похож на древневосточного водоноса, разносившего таким образом воду в тыквенных сосудах.

Ноги сами понесли меня влево – в предполагаемую сторону протекавшей в том направлении речки Светлой, ставшей для меня близкой и родной.

Минут через пятнадцать неторопливого хода, я вторгся в пойменные заросли тальника, вербы, ольхи и черемухи с небольшими вкраплениями довольно чахлых осин, на которых я и закрепил свои ловушки. Забегая вперёд, скажу, что именно они и сработали через пару недель, хотя на них я менее всего рассчитывал, полагая, что в таком глухом месте, пчелы-разведчицы их просто не найдут. Со временем я понял, что фактор рядом находящегося водоема играет для последних немаловажную, если не определяющую роль.

На обратном пути к спрятанному велосипеду я немного заплутал в пойменной чащобе и совершенно неожиданно для себя вылез из зарослей в другом месте, фактически на самые ульи, испугав своим неожиданным появлением пасечников, совершавших утренний обход.

Вместо того, чтобы просто и дружелюбно поздороваться с ними да идти своей дорогой как ни в чём не бывало, я почему-то по-звериному шарахнулся обратно в джунгли, вызвав этим

переполох среди пчеловодческого контингента, принявшего меня за застигнутого врасплох злоумышленника.

Я слышал их встревоженные восклицания, призывающие доложить охранникам об увиденном мазурике. Странно, что у них нет сторожевых собак, подумал я, не зная ещё, что собаки нежелательны на пасеке в свободном содержании, потому что могут перевернуть ульи и нагадить в неполюженном месте.

Добраться до велосипеда в этот день мне не удалось. Помешали охранники на мотоциклах, возглавляемые небезызвестным Кексом, гнусавый голос которого, отдающий команды, я узнал сразу. Курсируя с угрожающим рыком по набитым лесным тропинкам, они заблокировали мне пути доступа к большой дороге.

Джигитыя, мотоциклетные наездники время от времени стреляли из ружей, причём не только в воздух, но и по кустам, судя по осыпающимся листьям и мелкой дробью.

Такая агрессивная реакция с их стороны на моё невразумительное появление гасила загоревшееся было желание сдать в плен и полюбовно объясниться.

Напротив, проснувшийся животный страх гнал меня как дикого кабана в самую крепь, тальниковую чащобу, в надежде добраться до спасительной, как мне казалось, речки Светлой.

Но вскоре я с ужасом понял свою ошибку! Чем ближе к реке, тем влажнее становилась почва под ногами, на которой явственно стали обозначаться мои следы. Если гарцующие наездники вздумают сойти со своих сёдел и начать преследовать меня пехом, мне несдобровать!

Чуть погода так оно и случилось. Треск ломаемых веток сзади, справа и слева подтвердили мои опасения. Меня не только обнаружили по следам, но и организованно и целенаправленно окружали!

Когда же впереди меня нарисовалось болотистое озерцо, поросшее местами тростником и рогозом, я понял, что мне не уйти!

Однако, упадническая мысль оказалась скоротечной. На смену ей пришла другая, основанная на наблюдении за поведением раненой кряквы и знании истории.

В первом случае я вспомнил лихо сбитую мной утку, которая упала совсем рядом в залитые водой прибрежные кусты, но совершенно исчезла из вида. О её близком присутствии свидетельствовала только собака, стойчески застывшая носом в одном направлении. Долго вглядываясь, я, наконец, увидел кончик утинового носа, еле заметно торчавший, упёршись в тонкий тальниковый ствол, залитый водой озера. Погруженное тело сквозь опавшую плавающую листву было нисколько незаметно.

Вторым посылом к спасительным действиям было память о прочитанном в детстве рассказе о воинском искусстве древних скифов, переходивших водоемы с полыми трубочками во рту, чтобы незамеченными подобраться к врагу.

Я решительно вступил в теплую воду, рассекая поверхностный ковёр зелёной ряски. Оглянувшись, порадовался, что торфяное дно не взмучивает воду, а ряска вновь смыкается за моей спиной. Обходя торчащие кочки, я добрался до середины, упёршись в небольшой островок, поросший вокруг тростником, и где глубина достигала уровня моего пояса.

Голоса приближались. Надо было спешить!

Достав складной ножик, я срезал по межузельям прошлогоднюю одеревеневшую камышину и продул её, чтобы убедиться в её сквозной полости.

Затем вогнал свою палку бо, ставшую в этой ситуации скорее копьём, как можно глубже под углом в дно, примыкающее к островку. Получился подводный якорь, за который я мог держаться, чтобы не всплыть и не обнаружить себя.

С зажатой крепко во рту дыхательной трубкой, я погрузился в воду за секунды до появления первых преследователей на берегах озерца.

Сквозь воду, не различая слов, но понимая смысл, я слышал их недоуменные и возмущенные проклятья в свой адрес.

Не знаю, как долго бы мне пришлось сидеть в болотном убежище, если бы не пришедшая внезапно гроза.

Очистительная гроза, потому что мои преследователи, подобно нечистой силе мигом убралась в свои дальние углы и щели, как в гоголевском «Вии» упыри и вурдалаки.

Наверное, я был стихийным пантеистом, потому что искренне возблагодарил бога-громовержца и безбоязненно вышел на большую дорогу, не страшась сверкающих молний и радуясь теплому обильному дождю, который смывал с меня болотную грязь. Чтобы дать выход своему ликованию, я крутил над головой мою палочку-выручалочку будто винт вертолёт.

Спасибо матери-природе! Как часто она выручала меня в самые проблемные моменты! Неслучайно, кто-то очень мудрый сказал, что природа наиболее полное проявление бога.

Дома меня ждал сюрприз. Не очень приятный. Приезжала милиция с проверкой наличия у меня ружейного сейфа. Откуда растут ноги у этого внезапного и неожиданного визита, было понятно.

Вероника и Пафнутий вели себя спокойно, с достоинством, без ненужных дерганий и возмущений, как и следует вести себя простым уязвимым людям в контактах с защитниками интересов более весомых и значимых граждан свободной и независимой республики.

Не дождавшись меня и не сумев спровоцировать моих домашних на адекватную реакцию, проверяющие уехали, испугавшись возможной распутицы из-за начавшейся грозы.

Мы растопили камин, подсушили около него забытых во дворе из-за визита незваных гостей и попавших в результате под дождь пуховых гусят. Наблюдая их, мы затеяли пить чай, сготовленный опытным в этих делах Пафнутием. В заварку он положил помимо собственно чая разные почки, цветочки, листочки вплоть до березовых.

Согретые горячим, насыщенным витаминами и довольно вкусным напитком, мы почувствовали не только физический, но и моральный подъем. Как там у древних: " В здоровом теле здоровый дух! »

Вспомнив и погрузив о Ральфе, мы решили, что необходимо срочно заводить другую собаку.

Пафнутий предложил приютить пару бездомных псов, которые крутятся в городе у мусорок. Понимая старика, я сказал, что сочувствую таковым, но как охотнику мне необходима породистая собака, и даже, может быть, две или три.

В идеале, я бы хотел легавую, норную и гончую.

Но тут вмешалась Вероника, заявившая, что не потерпит такого обилия собак, тем более с практикуемым нами запуском их в дом.

Тогда я вернулся к утреннему разговору о лайке как к собаке с широким диапазоном использования и как к самой безоговорочно морозоустойчивой.

– Да, лайки славные собаки! – поддержал Пафнутий. – Всегда бодрые такие, весёлые... Хвост калачом, уши торчком! Не то что твои легавые с опущенными ушами и вечно грустными глазами.

– Они грустят, потому что хозяева их постоянно в квартирах томят, – неожиданно для меня вступилась за легавых Вероника. Я вспомнил, что она тоже горожанка и навидалась немало модных в своё время сеттеров.

– Короче, решили! – подвёл я итог короткой дискуссии. – Заводим лайку! Теперь дело за малым – надо ехать в город. Брать в питомнике, если он ещё существует, либо у какого-нибудь хорошего охотника-заводчика породистого щенка-лайчонка, а то и двух...

– Двух не надо! – пресекла сразу Вероника.

– Хорошо, одного. Но с хорошей родословной!

– А здесь разве нет лаек? – спросил Пафнутий, собирая посуду. Он всегда помогал Веронике, в отличие от меня.

– В деревнях брать щенков чревато. Тут не следят особенно за контактами и полукровок называют лайками.

– Но есть же и добросовестные охотники, которые блюдут...

– Если ты имеешь ввиду Андрея Мордвина и ему подобных, то глубоко ошибаешься. Сплутовать и объегорить для них вполне органичный стиль существования.

– Тебе виднее – твой товарищ!

– Да, мне виднее.

Я не стал дистанцироваться от Андрея, потому что и у самого рыло было в пуху, правда, ни в такой степени как у моего обаятельного товарища, способного под любую шалость подвести убедительную базу аргументов в её необходимости.

Между тем, дождь продолжал идти – обильный и непрекращающийся. Наверняка, грунтовые дороги развезёт до невозможности проехать на них колёсным транспортом.

Я с тоской подумал о временах, когда кони были основным видом передвижения на большие расстояния. На хорошей лошади верхом можно проехать любую глубокую и заросшую ложину, переправиться через реку либо другой водоём, а то и легко уйти от моторизованных преследователей, просто скрывшись в лесу.

– Я велосипед оставил в лесном укрытии. Пойду за ним, когда дорога просохнет. А завтра, видимо, сам бог велит ехать в город. Щебёнка здесь хорошая, пока ещё не разбитая. На автобусе или попутке доберусь. Отпустите меня?

– Отпустим! – сказал Пафнутий. – За нас не беспокойся!

Вероника сделала движение, пытаясь сказать.

– Говори, Вероника! У нас ведь демократия.

– Я тоже хочу в город!

– А как же цыплята-гусята?

Она замешкалась с ответом. Вместо неё выступил Пафнутий:

– Ехайте вместе! Я справлюсь.

Пафнутий настойчиво желал нашего большего сближения и всячески способствовал этому, понимая как это непросто в наше легкомысленное время, когда люди стали воспринимать друг друга как временных попутчиков или деловых партнеров.

– Ну что ж! Значит, едем вместе. Ты изучила расписание?

– Да! – Вероника была заметно взволнована. Всегда такая спокойная и невозмутимая в текущих заботах нашей полудикой жизни, она сейчас не могла усидеть на месте и встала. – Утренний автобус уходит как раз к электричке.

– Тогда собирайся в поход. Труба зовёт! – её взволнованность передалась и мне. – Нам, скорее всего, придется тормознуться в городе на два-три дня, так что упаковывайся с этим прикидом и возьми с собой что нужно.

Вероника ушла к себе, а мы с Пафнутием выбрались перекурить и переговорить на крыльцо.

Дождь продолжал моросить, но уже чувствовались его утомление и грядущий скорый конец. На горизонте, за озером, там, где заходило солнце, появился розовый просвет – тучи уходили на север. Пахло свежевывытыми соснами и березами.

«Завтра мы отправимся в город, а старик останется совсем один, без нас и без Ральфа!»

– Пётр Фёдорович! Может, тебе ключ оставить от сейфа? – сказал я вдруг глупость, будто меня подтолкнул чёрт-provокатор.

– С ума сошёл? Хочешь, чтобы меня в тюрьму посадили? Да и тебе не поздоровится – отберут оружие!

– Да. Это верно.

– Будет лучше, если ты вообще заберёшь ключи от сейфа с собой. И тебе и мне будет спокойнее.

– Хорошо, так и сделаем. А ты не боишься оставаться один?

– Я своё уже отбоялся, – грустно усмехнулся старик. – Времени и сил уже не осталось бояться.

– Не надо унывать! – я приобнял его за плечи. – Хочешь, я тебе хороших сигарет привезу из города?

– Не стоит меня баловать. Я с детства к «Приме» приучен и менять привычку уже не собираюсь. А вот Веронику в городе как-нибудь уважь – сам знаешь, не мне тебе советовать.

– Уважу...

Глава 8. Вылазка в город

Встали мы рано – едва забрезжил рассвет.

Судя по густому сырому туману, непроглядно окутавшему озеро, день предполагался жаркий. Были слышны приглушенные голоса приезжих рыбаков, чертыхавшихся по поводу невозможности увидеть поплавки.

Вероника, вопреки ожиданиям, оделась очень легко – в упомянутое выше белое короткое платье и туфли на высоких тоненьких каблукках.

Я не удержался:

– Интересно, как это ты собираешься на таких каблуках спускаться с нашей горы? Ты ведь сразу клюнешь носом и покатишься вниз колесом до самой деревни!

– Я так оделась, чтобы тебе показать – годится или нет для прогулки по городу?

– В городе-то годится. В таком виде можно и в театр пойти – сейчас свободные нравы и правила!

– Вот и пойдём!

Она прокрутилась вокруг своей оси перед зеркалом.

– Вообще-то, у нас другая цель. Впрочем, если будет время, почему бы и не сходить.

Надо порадовать девушку, подумал я, вспомнив увещевание мудрого Пафнутия. Ей хочется покрасоваться на публике и надо «уважить» это невинное желание. Вот только платье слишком откровенное – пока доедем до города, местные будут во всю лупить глаза и потом судить-перемывать на все лады.

Как-то я процитировал ей строчку из Маяковского, что «лучшая в мире одежда это бронзовость мускулов и свежесть кожи». Веронике очень понравилось мнение большого поэта и большого ценителя женской красоты, совпадавшее, между прочим, и с моим.

С тех пор она не упускала возможности продемонстрировать миру и мне свои достоинства – прежде всего длинные стройные ноги, абсолютно гладкие и покрытые бронзовым загаром.

Восхищаясь, я не раз сравнивал её с мифической лесной девой или древнегреческой богиней охоты Артемидой. Теперь она воспринимала это как должное, не кривилась в недоверчивом возмущении, напротив, старалась придерживаться заданного стиля.

В автобусе на нас смотрели все. Для деревенских мы были большим событием, способным конкурировать с американским сериалом. Взгляды были вполне доброжелательные, без той вечно похмельной озлобленности, характерной для жителей Бухалова.

Видимо, сказывалась большая близость к земле, к простым каждодневным трудовым заботам, требующим трезвого ума и позитивного отношения к природе и людям.

В этом я ещё раз убедился, когда мы сели в электричку. По косоватым и неприязненным взглядам некоторых людей, заполнивших вагон, я понял, что они принадлежат незнакомым мне обывателям посёлка.

Подтверждением тому стало изменившееся поведение Вероники. Она взяла меня под руку и теснее прижалась.

– Может, перейдём в другой вагон? – тихо спросила девушка несколько дрогнувшим голосом. – Тут весь бухаловский гадюшник собрался!

– Ну, вот ещё! Либо мы зайцы какие, чтобы бегать туда-сюда по вагонам.

Из наблюдавших нас людей, особенно пристальным, немигающим и зловещим взглядом Нагайны, выделялась такая же изысканно красивая, как упомянутая киплингская кобра, женщина околобальзаковского возраста, сидевшая лицом к нам тремя сидениями впереди.

– Это Эвелина Людвиговна! – опережая мой вопрос, прошептала мне на ухо Вероника. – Мать Грини. Она у них там самая главная. Её даже Павел Иванович боится, хотя в этих краях он держит в своих руках всё и вся.

– Так уж и вся? Нас он, например, не держит!

Я взял её руку в свою.

– Ты бы лучше подремала, пока есть возможность. Намаешься ещё в городе на своих шпильках!

Вероника теснее прижалась ко мне, положила голову на плечо и закрыла глаза. Я же всю оставшуюся дорогу переглядывался с Эвелиной Людвиговной. Была у меня такая особенность – будучи человеком совсем не наглым, я мог без тени смущения и до бесконечности смотреть на человека, интересующегося мной, пытаюсь понять его с философской позиции: кто он, зачем живёт и почему я стал объектом его любознания.

Впрочем, Эвелиной Людвиговной можно было любоваться и с эстетической точки зрения, как яркой представительницей породы необыкновенно красивых ведьм, завораживающих своим специфическим шармом.

– Не пора ли тебе прекратить пялиться на эту змею! – прошипела вдруг Вероника, не поднимая головы и не открывая глаз.

Я даже вздрогнул от её неожиданного выпада.

– Да ты сама стала шипеть как змея! – внутренне улыбнулся я её всёвидению и собственному лёгкому испугу. Всё-таки нервный стал в последнее время.

– С кем поведёшься...

– Да ведь ты жила у них всего ничего!

– Вполне достаточно, чтобы научиться кое-чему, – загадочно ответила Вероника, грустно вздохнув.

Постепенно она задремала, а за ней и я погрузился в некое полузабытьё, что-то среднее между сном и фантазиями.

Эвелина Людвиговна сошла с электрички на остановку раньше нас. Следом за ней поднялся незамеченный мною ранее громоздкий парень, в котором я узнал одного из тех шкафов, сопровождавших Гриню. Вероника, очнувшись от удушающего аромата духов, волной нахлынувшего от проходившей мимо несостоявшейся свекрови, тоже узнала его, крепко стиснув мне руку.

В городе мы в первую очередь купили в вокзальном киоске газету «Доска объявлений» и, пристроившись у столика в буфете, запивая горячим чаем скукожившиеся холодные беляши, стали просматривать интересующий нас раздел.

Выбрав подходящие нам варианты, пошли искать телефонные автоматы, но везде были большие очереди серьёзных и озабоченных пассажиров, жаждущих дозвониться до своих родных и близких.

Мы постеснялись вклиниваться в ожидающую группу людей, понимая, что наши возможно долгие разговоры о щенках будут здесь неуместны. Кроме того, вокзальный шум и суэта не позволили бы мне говорить спокойно и деловито, между тем, как вопрос приобретения нового друга и помощника был для меня крайне важен. Одним словом, нужно было искать другой телефон в более спокойном и удобном месте.

Мы вышли в город и пошли по проспекту в сторону центра, но автоматы почему-то не попадались. Тогда я сообразил, что можно зайти на мое прежнее место работы и спокойно позвонить оттуда, за одним отправив Веронику смотреть музейную экспозицию. Неплохое начало для культурной программы, совмещённой с реализацией намеченной цели.

Нам повезло. Почти все научные сотрудники были либо на выездных лекциях, либо в экспедициях по изысканию раритетов для пополнения фондов. Лишь в отделе пропаганды, стоя у зеркала, красила губы экскурсоводша Лариса.

– Привет! – сказал я. – На свиданку собираешься?

– Ага, с французами, – не оборачиваясь ответила Лариса, докрашивая губы. Только закончив косметическую процедуру, она обернулась и обрадовалась моему неожиданному появлению. – А я и не узнала твой голос! Какой-то хриплый стал, как у деревенского мужика. Думала, Лёха-таксидермист зашёл.

– А и есть деревенский мужик. Разве ты не в курсе?

– В курсе, конечно. Наши информаторы везде и всюду. Сам знаешь.

Это правда. Почти в каждом населённом пункте нашего региона, включая деревни, были любители-краеведы, в основном из пожилых, которые так или иначе поддерживали связь с музеем.

– Решил вернуться к нам? Надоела сермяжная жизнь?

– Сермяжная жизнь мне ещё не надоела. Я её и прочувствовать толком не успел.

– Хоть бы позвонил когда. Пропал, будто в воду канул!

– Я живу в такой глуши, откуда позвонить не так просто.

– Только не надо врать. Сейчас все деревни телефонизированные. Хотел бы – позвонил. Забыл нас совсем!

– Да никого я не забыл. Вы навсегда запечатлены на скрижалях моей бессмертной души. А не звонил, потому что никогда и не расставался с вами. Ваши образы всегда живут во мне.

– Ладно. Как деликатные люди, сделаем вид, что поверили. Говори скорей, зачем пришёл.

Мне надо на экскурсию бежать – вон уже автобус с французами подошёл!

– Мне позвонить надо.

– Так звони, пока девчонки не пришли! Они тебе звонить не дадут – заболтают.

– Все на экскурсиях?

– Да. Сегодня большой наплыв.

Она еще раз посмотрелась в зеркало, одернула платье и взяв указку, сказала:

– Ну я пошла!

– Постой, Лариса! У меня к тебе личная просьба. Будь добра, включи в свою группу цивилизованных европейцев дикую половецкую девушку. Она топчется неприкаянная около кассы.

– Какая она из себя?

– Ну такая – с ногами и волосами.

– Какое исчерпывающее по выразительности определение!

– Когда увидишь, поймёшь, что это самое точное определение.

Лариса убежала к французам, а я остался один с двумя телефонами. Я выбрал который подальше от входа, чтобы не мешал доносившийся шум прибывших говорливых и темпераментных экскурсантов.

Долго звонить не пришлось. Определив по начальным цифрам номеров самого ближнего по моему разумению абонента, буквально после первого же гудка я услышал приятный голос пожилого интеллигента. Его манера говорить и краткая, но исчерпывающая информативность сразу расположили меня к нему.

Он сообщил, что у него десять щенков западно-сибирской лайки. Все привитые, почти двухмесячные и недорогие. То, что они без документов, но родители с родословной, я принял с пониманием. Посещать клуб и участвовать в соревнованиях я не собирался, зато очень хорошо выигрывал по деньгам. Они безудержно таяли и пора было их экономить.

Я задал несколько дежурных классических вопросов по существу. Хозяин ответил обстоятельно, без излишней стариковской разговорчивости и строго по делу. Я взял адрес и пообещал, что приду примерно через час.

Отправившись искать Веронику, я полагал, что она по своему обыкновению будет бродить одна, оторвавшись от навязанного ей коллектива галлов, но приятно ошибся.

Она ходила вместе с французами, органично влившись в их ряды. Быть может под моим влиянием она научилась перевоплощаться в воображаемые образы и стала временно парижанкой, а может была действительно увлечена проводимой Ларисой экскурсией, которая сегодня блистала, но ей не удалось заметить меня, когда я бесшумной индейской походкой подобрался к ней сзади.

Возникло острое звериное желание укусить её за ушко, чтобы обратить на себя внимание и дать выход другому желанию, часто возникавшему в самых неподходящих для этого местах. Меня остановил предупреждающий стук указкой по металлическому каркасу витрины. Лариса, всё замечавшая, укоризненно посмотрела на меня и незаметно показала кулак, когда группа по её приглашению стала переходить в другой зал.

Вероника перехватила угрожающий жест экскурсоводши, направленный в мой адрес, и удивлённая обернулась.

– Всё нормально, Вероника! Здесь так принято передавать срочную информацию в экстремальных ситуациях.

Не обращая внимания на смотрительниц, из которых никого не было из прежнего состава, я увлёк желанную девушку поскорее на волю из строгого музейного зала.

Мне совсем не хотелось встретить кого-либо из моих бывших сотрудниц. Чтобы удовлетворить их любопытство потребовалось бы немало времени, что я не мог себе позволить, а отбrehиваться абы как, на скорую руку, не хотелось из большого уважения к ним.

– Ты была такая трогательная! – сказал я Веронике. – Будто примерная ученица младших классов на первой экскурсии.

– Да-а... – смущённо протянула она. – Последний раз в музее была в третьем или четвёртом классе, а потом нас перестали водить.

– Странно, – сказал я. – Люди едут чёрт знает откуда посмотреть столичные музеи, а ты, москвичка, ни разу самостоятельно там не побывала!

– Я была в такой компании, где это, мягко говоря, не приветствовалось.

– А я думал, ты всегда была кошкой, которая гуляет сама по себе!

– В том возрасте не получалось быть самой по себе, – немного подумав, ответила Вероника. – Я ведь спортом занималась. Ходила в разные секции.

– Ну-ка, ну-ка! – обрадовался я тому, что Вероника стала открываться. – И каким видом ты занималась?

– Разными. Сначала родители отвели меня маленькой на художественную гимнастику, но там меня очень скоро забраковали. Сказали, что спина слишком крепкая.

– Да уж, спина у тебя ... – я чуть было не сказал «ровно плита», но вовремя прикусил язык. Ей могло не понравиться восхищённое высказывание известного щедринского героя, адресованное своей будущей любовнице. Надо быть построже со своим рабоче-крестьянским юмором – иначе Вероника вновь закроется!

– Потом я занималась плаванием и даже побеждала на городских соревнованиях...

Плавала она здорово, за счёт правильной техники далеко отрываясь от меня. Мне ни разу не удалось её догнать, так легко она от меня уходила.

Между тем, она продолжала:

– На меня обратил внимание известный тренер, уговоривший родителей перевести свою дочь в особую школу, где был спортивный класс. Школа была кроме того с усиленным изучением английского языка. Я увлеклась им...

Чёрт побери! То-то она всё время иронически улыбалась моим англиканским экзерсисам!

– ...Но мне не давали им серьёзно заниматься, потому что дёргали всё время с уроков на разные соревнования, чтобы защищать честь школы. Я всё время ходила в мокром купальнике и мне это надоело. Я возроптала и получился скандал. Папа хотел меня забрать из школы

в ответ на упрёки, что другие ученики платят немалые деньги чтобы учиться в этой школе, в то время как мне это право предоставилось бесплатно. Но в последний момент директриса пошла на попятную, дав мне послабление...

– Здесь тоже есть подобная школа, пожалуй, единственная в городе, – вплёлся я невольно, имея ввиду известную школу №10. – Элитарная...

– Да. Наша тоже была элитарной, но со своей микрокультурой, которая отвергала всякие походы в музеи, театры и другие подобные заведения. На первом, втором и третьем местах были только спорт, спорт и спорт! Я сблизилась с группой девочек из состоятельных, которые привлекли меня заниматься большим теннисом. Сказали, что это самый аристократический вид спорта. Он на самом деле оказался таковым и стал в последствии для нашей семьи не по карману...

Она замолчала, поёжившись.

– А потом? – в нетерпении я стал торопить, понимая, что самое главное впереди.

– А потом я оставила теннис, отошла от аристократок к девчонкам попроще. Они увлекались восточными единоборствами, и я тоже включилась, хотя тяги к этому не испытывала.

Как назло, в ответ на мой растущий интерес, рассказ Вероники становился всё более вялым.

– Дзю-до, каратэ, джиу-джитсу? – пытался я подбросить поленья в затухающий костёр диалога.

– Ушу-гаолу, – совсем неохотно ответила она. И чтобы загасить моё любопытство и поставить точку на своей исповеди, она кратко изложила финал:

– Когда мне исполнилось пятнадцать, со мной случилась неприятность. Я стала мстить и в результате попала в ваши края.

Она посмотрела на меня потемневшими глазами и я прочитал в них – "баста!>"

Но сказанного ею было достаточно, чтобы понять самую суть, а копаться в деталях мне и самому не хотелось.

– Сегодня вечером мы с тобой обязательно пойдём в театр! В городе их много. Времени у нас будет много, мы пройдемся по нему, заглянем в театры, изучим репертуар. Выберем, что более подходит для таких простодушных провинциалов, как мы с тобой и сходим... а сейчас пойдём смотреть щенков!

Я увлёк её в глубины прекрасно знакомых мне кварталов и задал соответствующий темп в направлении полученного адреса, стараясь угодить в аккурат к условленному времени.

Искомый дом я нашёл раньше, чем взглянул на вывеску с номером. На зеленом пустыре перед ним подтянутый моложавый старикан бросал палку рыжей весёлой лайке, исправно приносившей её обратно хозяину. Представление явно было рассчитано на меня и это было правильно. Оно давало мне возможность рассмотреть родительницу в движении и деле.

Хозяин не просчитался. Лайка понравилась мне с первого взгляда.

Я потряс Веронику за локоть – она ещё не отошла от своих мыслей и воспоминаний.

– Очнись, Вероника! Мы пришли. Смотри, какая мама у нашего щеночка!

Вероника вздёрнула головой как лошадка, заехав мне в нос чёрной гривой. Я едва удержался от чиха.

– Так скоро?

– Так это же не Москва! Расстояния всяко поменьше.

Мы подошли к хозяину.

– Здравствуйте. Это я звонил вам час назад.

– Здравствуйте. Я сразу догадался по вашим взглядам. Ну как вам родительница?

– Ладная собачка! – похвалил я. Экстерьер лайки был исключительный. Умеренно крупная, пропорционально сложенная, с крепкой мускулистой спиной, пушистым хвостом-калачом и острыми стоячими ушами – просто королева выставок!

Веронике она тоже понравилась. Она без боязни присела к улыбающейся собаке и почесала у неё за ухом.

– А как её зовут?

– Ханта! – довольный и гордый за питомицу отвечал хозяин. – Где мы с ней только не бывали в своё время.

– А сейчас нет?

– Проблемы со здоровьем у меня обнаружились. Дальше Заельцовского бора уже и не ходим, – грустно пояснил старик.

Я не стал пытаться на эту тему. Такие проблемы меня ещё не волновали и посочувствовать я мог только формально. Я был сосредоточен на собаке.

– Ханта-а! Ханта-а!

Лайка, услышав своё имя, дружественно помахала мне хвостом и тыркнулась нюхать мои джинсы. Должно быть, они ещё пахли Ральфом, потому что запах Ханте явно понравился.

– Ну, что? Пойдём смотреть щенков? – с энтузиазмом спросил бодрящийся хозяин.

– Пойдёмте!

Старикан, пытаясь проявить галантность, хотел пропустить вперёд Веронику, но я придержал её за локоть, дав дорогу хозяину. Мне не хотелось, чтобы он вынужденно заглядывал девушке под юбку. Надо по возможности оберегать ближних от искушений лукавого!

Хозяева жили на самом верху пятиэтажной хрущёвки. В трёхкомнатной квартире царил холостяцкий дух, о котором свидетельствовала характерная неухоженность.

В то же время, судя по фотопортретам, выставленным в нишах типовой мебельной стенки, семья когда-то была большой и дружной.

Дверной проём дальней комнаты был перегороден. За ним бегали и играли с резиновыми мячиками и между собой чистенькие и хорошенькие щенки белой, рыжей и пегой расцветки.

Вероника ахнула от восторга. Я присел, чтобы изменить угол обзора, получше рассмотреть и выбрать самого самого! Но самому решить эту задачу было невозможно – каждый из них был лучше другого.

Вопрос разрешился сам собою. Ко мне подошёл будущий кобелёк бело-рыжей окраски с чёрными разводами на мордочке, подчёркивавшими выразительную красоту умных тёмных глаз, которые как бы спрашивали: " Ты за мной пришёл, дядя? »

– Берём вот этого! Как он по характеру и вообще?

– По характеру он в меру уравновешенный, но себе на уме.

– Это как?

– Есть у него склонность к независимости. Он всё замечает и сразу запоминает, но предпочитает действовать исходя из своих интересов на базе собственных соображений и умозаключений.

Мы с Вероникой рассмеялись.

– Разве может такой маленький быть уже таким хитроумным?

– Может. Собаки очень быстро развиваются в отличие от человека. Вам придётся с ним повозиться, чтобы заставить играть в свою игру.

Хозяин испытующе поглядел на меня и, перейдя на ты, продолжил:

– Но если ты охотник и сможешь обломать его под себя, будешь потом доволен. Он будет ведущим на охоте, а ты ведомым. Он сам будет разрешать возникающие головоломки как Шерлок Холмс, а тебе останется только завершать операции подобно инспектору Лейстреду!

Да, везёт мне на начитанных оригиналов! Я понял, что он тоже из моего карасса.

– Извините, а как вас зовут?

– Матвей Иванович.

– Матвей Иванович! Давайте, сделаем так: мы сейчас заплатим вам обозначенную сумму, а заберём его вечером, либо завтра рано утром. Дело в том, что мы живём в сельской местности,

в городе давно не были и хочется немножко прошвырнуться по нему. Вы не против такого варианта?

– Нет, конечно. А можно полюбопытствовать в каком именно месте вы проживаете?

Я назвал. Матвей Иванович всплеснул руками и заявил, что эти места ему хороши знакомы. Ещё молодым он натаскивал на тамошних влажных лугах и болотах своего английского сеттера, обучая ходить челноком и делать стойку на бекасов и дупелей. Когда же я сообщил в ответ, что в своё время тоже охотился с немецкой жесткошерстной легавой, хозяин по-стариковски засуетился и предложил напоить нас чаем с дороги. Тогда я решил проявить свойственную путешественникам и бродягам предприимчивость.

Вежливо поблагодарив, я ответил, что мы уже успели почаяёвничать на вокзале, но если он не против, мы могли бы прийти к нему вечером после театра с ночёвкой.

Матвей Иванович обрадовался и заволновался ещё больше. Чувствовалось, что ему не хватает в жизни общения с единомышленниками.

Довольные удачным приобретением и гарантированной крышей над головой, оставив вещи у доброго хозяина Матвея Ивановича, мы налегке вышли в город, который теперь принадлежал нам.

Я мысленно нарисовал маршрут: Центральный рынок – Театр музыкальной комедии – Театр оперы и балета – «Глобус» – «Старый дом» – Театр Афанасьева – «Красный факел».

Торопиться нужды не было и прогулка нас не напрягала. Как два отъявленных бездельника-зеваки мы заходили во все попутные магазины и магазинчики, толкались у киосков и уличных лавок, обогащая свой кругозор познанием новинок рынка и динамикой ценообразования, практически ничего не покупая. Единственными нашими приобретениями были батарейки для магнитолы и плетённая из синтетических волокон корзинка, предполагавшаяся для транспортировки щенка.

Впрочем, пустовала она недолго. Я намеренно отклонился от театрального маршрута, чтобы загрузиться на рынке недорогими консервами и концентратами. Деньги, оставшиеся после покупки некондиционной Фаты Морганы и последующих затрат на стройматериалы катастрофически таяли и пора было переходить на режим экономии.

Груз оказался весьма весомым, и я решил привнести коррективы в намеченный маршрут, решительно отбросив все театры кроме «Красного факела», по первоначальному плану предполагавшегося быть последним пунктом нашего пешеходного круиза. Сделано это было не по причинам пренебрежения или предпочтения, а просто потому что в «Красном» работали знакомые мне люди, у которых я мог оставить до начала спектакля наш продуктовый груз.

Сжалившись над Вероникой, отвыкшей ходить на высоких каблуках, я увлёк её в метро. Через четверть часа мы уже стояли у кассы и рассматривали текущий репертуар. Благо, на сегодняшний день там значилась постановка на античную тему про несчастного царя Эдипа.

Веронике было всё равно – она не разбиралась в таких вещах.

Билеты остались только на последние ряды. Меня это не огорчило. В зрительных залах я предпочитал сидеть либо на первом, либо на последнем ряду. В первом случае головы впереди сидящих не мешали наблюдать и не отвлекали от действия своими движениями и разговорами. Во втором – можно было расслабиться, откинуть голову и вытянуть ноги, а то и подремать, никого не раздражая своим видом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.